

9

© - 661г

На правах рукописи

О. Солодянкина

Солодянкина Ольга Юрьевна

**ИНОСТРАННЫЕ НАСТАВНИКИ
В ДВОРЯНСКОМ ДОМАШНЕМ ВОСПИТАНИИ
В РОССИИ
(вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)**

Специальность 07.00.02. - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Москва
2008

✓ 0002

Работа выполнена в Московском государственном областном университете.

09-24072

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор **Захаров Виктор Николаевич**

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор **Змеев Владимир Алексеевич,**
доктор исторических наук, профессор **Пушкарёва Наталья Львовна,**
доктор исторических наук **Шестова Татьяна Юрьевна**

Ведущая организация:
Институт российской истории Российской Академии наук

Защита состоится 22 октября 2008 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.155.05 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Московском государственном областном университете по адресу: г. Москва, ул. Энгельса, д.21^а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного областного университета

Автореферат разослан « 16 » сентября 2008 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Е.Б. Никитаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

9
С-601

Актуальность темы. В условиях глобализации совершенно особым содержанием наполняется взаимодействие разных стран, народов, культур, и серьёзное внимание уделяется вопросам межкультурной коммуникации, ставшим актуальными. Культуры разных стран слишком отличны друг от друга, чтобы взаимодействовать без проблем. В современном мире межкультурное общение осуществляется на самых разных уровнях – от внутриличностного до межнационального, и эффективности межкультурной коммуникации может помочь представление о культурном многообразии мира. При помощи поликультурного воспитания возможно глубже изучить и осознать многообразие народов, их стилей жизни, их культурные различия, уникальность каждого этноса. Формируя толерантное отношение к субъектам коммуникации, поликультурное образование помогает увидеть общее в культурном многообразии. Считается, что индивиды, обладающие опытом кросскультурных коммуникаций, имеют больший адаптивный потенциал, способны лучше разрешать жизненные проблемы, быть более толерантными, справляться с этническими предубеждениями, преодолевать этноцентризм и ксенофобию. В нашей стране уже был период воспитания в традициях нескольких культур: именно так в имперской России формировалась значительная часть дворян, имевших опыт кросскультурных коммуникаций благодаря общению с иностранными наставниками. Именно поэтому тема иностранного наставничества как одного из каналов коммуникации представляется важной и актуальной, и именно она является целью нашего исследования.

К наставникам мы относим всех, кто занимался воспитанием детей в дворянских семьях: няни, бонны, дядьки, обеспечивавшие физиологическое выраживание, и гувернантки, гувернёры, домашние учителя, отвечавшие за воспитание и обучение. В узком смысле слова выражение «домашний наставник» после 1834 г. означало высшую категорию домашних воспитателей – выпускников российских университетов (т.е. это могли быть только мужчины). В данном исследовании мы используем выражение «наставник» расширительно, это все воспитатели (и в умственном, и в нравственном, и в физическом смысле) подрастающего поколения. Что касается выражения «иностранцы наставники», то в соответствии с российским законодательством иностранцами признавались «все вообще подданные других Держав, не вступившие установленным порядком в подданство России»¹. Иностранцев разрешалось принимать на службу лишь в учёную и учебную сферы деятельности, и принятое в 1834 г. «Положение о домашних наставниках», а также сопровождающие его

¹ Законы о состояниях. О состояниях иностранцев. Ст. 1512 // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Издание 1857 года. Т. IX. СПб., 1857. С.291.

циркуляры Министерства Народного Просвещения способствовали тому, что иностранные воспитатели начали принимать российское подданство, чтобы получать полагающиеся социальные гарантии. Родившиеся в России и вступившие в государственную службу иностранцы с точки зрения закона воспринимались как равные природным россиянам. Однако общественное мнение не руководствовалось нормами закона, считая иностранцами выходцев из других стран и людей европейских национальностей вне зависимости от наличия / отсутствия у них российского подданства. Поэтому в данном исследовании иностранными наставниками называются воспитательницы и воспитатели европейских национальностей – французы, немцы, англичане, швейцарцы, итальянцы, шведы, венгры и т.д. Поляки, если они работали не на территории Царства Польского, воспринимались как иностранцы, это касалось и немцев из Лифляндии, Курляндии и Эстляндии. Родившиеся в России дети иностранцев также воспринимались иностранцами.

Объект исследования. В диссертации исследуется домашнее воспитание дворянства в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в., осуществлявшееся иностранными наставниками.

Предмет исследования – деятельность иностранных наставников в России; иностранное наставничество как социокультурный феномен.

Появившись сначала в царской семье и в семьях своих соотечественников, живших в России, иностранные гувернёры (чуть позже и гувернантки) стали символом модернизированной западноевропейской образовательной модели в сложном механизме полихронного существования русского дворянства; вот эту роль иностранных наставников мы и постараемся рассмотреть подробнее.

В диссертации ставятся цели:

Выяснение влияния участия иностранцев в процессе воспитания элиты российского общества и, в более широком плане, значение межкультурной коммуникации, диалога культур, межкультурного контакта в формировании такого феномена, как русский дворянин.

В соответствии с объектом, предметом и целями исследования сформулированы задачи:

- Проанализировать социальное положение гувернёра и гувернантки, их правовой статус;
- Охарактеризовать условия труда и быта иностранных наставников в России;
- Выявить характер требований, предъявляемых к гувернантке и гувернёру: внешность, возраст, образование, умения, навыки, знание российских реалий, языка, культуры и т.п.;
- Показать, как шёл процесс поиска наставника и найма его / её на работу;
- Описать педагогический процесс, методы обучения и воспитания, поощрения и наказания, применяемые иностранными наставниками;

- Реконструировать структуру питания, режим дня, температурный режим жилища, круг чтения воспитанников, речевую деятельность, досуговые практики, методы лечения, которые формировались непосредственно под влиянием наставников;
- Выяснить круг общения гувернёров и гувернанток и воссоздать «паутину» связей домашних наставников;
- Проследить судьбы наставников и их воспитанников на предмет определения значимости фигуры иностранного воспитателя;
- Обобщить представления об иностранном влиянии в воспитательном процессе, вычленив сигналы «чуждости» в межкультурной коммуникации и представить стереотипы восприятия иностранных наставников в России;
- Проанализировать составляющие идентичности и самоидентичности русских дворян и их наставников: язык, образ жизни, мировоззренческие установки, круг чтения и т.п.
- Попытаться обозначить этапы реализации космополитических и национально-ориентированных моделей воспитания в дворянской среде; выявить роль правительства и общественных настроений при выработке образовательных стратегий и практик. Конечно, в целом эта задача гораздо шире возможностей предпринимаемого исследования, поэтому решение её предполагается только в тех рамках, которые заданы самой темой исследования.

Хронологические рамки исследования. Домашнее воспитание с использованием бонн, гувернанток и гувернёров, пережив периоды расцвета и упадка, просуществовало вплоть до революции 1917 года. Однако период Великих реформ 1860-х – 1870-х годов, приведя к серьезным изменениям в социальной структуре общества и поставив на повестку дня «женский вопрос», внёс значительные коррективы в традиционную модель воспитания. Поэтому в нашем исследовании мы ограничимся рассмотрением предшествующего этим событиям периода, а именно второй половиной XVIII – первой половиной XIX в. Первая дата связана с тем, что начали предприниматься попытки законодательного решения вопроса об иностранных наставниках в России (ранее их деятельность не регламентировалась законом, оставаясь полностью прерогативой родителей / опекунов) в ответ на значительное распространение этого явления. Верхняя хронологическая граница обозначает период, когда вопрос о женском труде перешёл в практическую плоскость. Если до конца 50-х годов XIX в. «образованным женщинам в основном предлагалась только работа домашней учительницы, гувернантки или компаньонки»¹, то эпоха Великих реформ открыла невиданные ранее возможности женской мобильности.

¹ Рабцова М.В. Женская эмансипация в России как эксперименты по гендерному конструированию (на материале 50 – 60-х гг. XIX в.) // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001. С.23.

Территориально исследование очерчено Россией в изменчивых границах второй половины XVIII – первой половины XIX в., однако Польша и Финляндия, как имевшие особый статус (в случае Польши часть первой половины XIX в., в случае Финляндии весь период после присоединения в рамках принятого в работе к рассмотрению столетия) и особые социокультурные традиции и практики, не рассматриваются. На остальной части Российской империи интерес представляют те губернии, где присутствовало дворянство. Поскольку в центре внимания находится исследование процессов общегосударственного масштаба, перед нами не стоит задача описывать специфику явления в пределах отдельно взятого региона.

Методология исследования. Домашнее воспитание в среде дворянства являлось вполне осознаваемым современниками, существующим феноменом. С позиций феноменологии, феномены – определённые целостности, существующие относительно устойчиво. Феномен получает собственные сущностные измерения, наделяется свойствами и становится объектом восприятия и интеллектуальных преобразований. Нечто сложное по структуре, но осознаваемое как данность во всей паутине связей и отношений, может рассматриваться как цельный феномен, поэтому характеристика наставничества как социокультурного феномена представляется нам наиболее адекватной. Такой подход сконцентрирован на выявлении устойчивых форм культуры, условий социально-культурной трансляции традиций, норм, стереотипов мышления, поведения, ценностных ориентаций и других черт, оказывающих влияние на социокультурные механизмы адаптации – аккультурации - инкультурации.

Основной методологии диссертации служит междисциплинарный подход, затрагивающий целый ряд отраслей знания: историю, педагогику, теорию культуры, социальную философию, теорию межкультурных коммуникаций, социологию, психологию, в силу чего методологический аппарат работы имеет интегративный характер. В диссертации использовались и традиционные методы исследования. Исходя из принципа историзма, выявленные отдельные факты и явления рассматривались в их генезисе и развитии, в контексте конкретно-исторической обусловленности протекающих процессов. Историко-генетический метод позволил последовательно раскрывать свойства, функции и изменения изучаемой реальности в процессе её динамики.

Наиболее подходящей после верификации мемуарных данных (благодаря перекрёстным свидетельствам) нам представляется методология историко-антропологических исследований и, в частности, методология Клиффорда Гирца с его идеей «насыщенного» или «плотного» описания¹. Плодотворными представляются нам для решения задач исследования подходы к трактовке культу-

¹ См. подробнее: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М., 2004.

ры американских антропологов К.К.М. Клакхона и М. Мид¹. Семиотическая концепция культуры открывает возможности для «чтения» и толкования культурных кодов эпохи², если рассматривать культуру как «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов»³. Конечно, интенсивность свидетельств одной стороны (воспитанники) неадекватна количеству материалов о восприятии стороны второй (сами гувернёры, бонны и гувернантки), однако мы пытаемся привлечь различные источники для большей степени «плотности». Идея *аккультурации*⁴, охватывающей те явления, которые возникают в результате вхождения групп индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих, также весьма плодотворна.

Научная новизна. Впервые в историографии предпринимается попытка рассмотреть феномен иностранного наставничества в России, не сводя его к сугубо педагогическому явлению, вводится в научный оборот широкий круг источников, на обширном историческом материале апробируется теория межкультурной коммуникации. Положения, выносимые на защиту:

- Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. шла профессионализация деятельности иностранных наставников (законодательное оформление положения, хабиитуализация и легализация путей поиска наставников, складывающиеся представления об объёме требований к ним, обязанностях и условиях работы, размерах жалованья).
- Как и в других сферах жизнедеятельности, было различно положение мужчин и женщин – гувернёров и гувернанток. Их положение различалось по размерам жалованья, объёму обязанностей (прямых и дополнительных), открывающимся возможностям, перспективам, системе связей, коммуникаций. Для мужчин (особенно к концу изучаемого периода) гувернёрство выступало в качестве «стартовой площадки», для женщин это была профессия «на всю жизнь». В целом положение наставников можно определить как маргинальное.
- Сложились устойчивые национальные стереотипы (какими качествами обладают наставники – представители разных национальностей, чему они могут научить).

¹ *Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию* / Пер. с англ. под ред. Панченко А.А. СПб., 1998; *Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения* / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева. Сост. и послесловие И.С. Кона. М., 1988.

² Подробнее см.: *Лотман Ю.М. Семьюсфера*. СПб., 2000.

³ Там же. С. 72.

⁴ См. подробнее: *Билз Р.Л. Аккультурация* // *Антология исследований культуры*. Т.1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 348-370.

- Влияние наставников на формирование дворянства было весьма значительным, но разнообразным – от потери идентичности, замены русской идентичности до формирования новой идентичности. Линия космополитизма более выражена преимущественно до первых десятилетий XIX в., чаще проводилась в жизнь в семьях, сохранивших русские традиции; линия возврата к своей идентичности ошутима особенно в 1830-е и последующие годы, но проводилась людьми, в основном воспитанными в традициях космополитизма.
- «Эксклюзивность» домашнего воспитания иностранными наставниками – из-за высокой цены его и стереотипов общественного мнения.

Практическая значимость работы. Проведённое исследование позволяет осмыслить политическую и практическую целесообразность привлечения и использования иностранных инноваций, прежде всего в сфере образования и воспитания. Выполненное обобщение европейских влияний в воспитательной и образовательной сфере, процессов межкультурного взаимодействия, анализ исторического опыта ориентации на европейское развитие с его положительными и негативными сторонами может быть практически полезно для воспитателей, педагогов, специалистов по межкультурной коммуникации, деятелей культуры, политиков.

Разработанная исследовательская концепция, наблюдения и теоретические обобщения автора доказывают плодотворность применения подходов теории межкультурной коммуникации к историческому материалу, приводят к углублённому пониманию процессов межкультурного диалога, взаимодействия и противостояния, имевших место в России в имперский период её истории, в контексте социокультурных изменений общеевропейского плана. Поскольку в исследовании охарактеризованы различные аспекты многофакторного процесса воспитания в широком диапазоне явлений как общественной, так и частной жизни, результаты диссертационного труда полезны для понимания различных реалий российской истории второй половины XVIII – первой половины XIX в. и могут быть использованы при чтении как общих, так и специальных курсов, как по истории, так и по педагогике и теории межкультурных коммуникаций.

Апробация исследования. Ключевые положения и результаты исследования сконцентрированы в двух *авторских монографиях* «Иностранные бонны и гувернантки в России: середина XVIII – середина XIX вв.». Череповец: Изд-во ЧГУ, 2006 (10 п.л.) и «Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века)». М.: Academia, 2007 (29 п.л.), а также в статьях и материалах докладов и сообщений на научных конференциях (более двадцати работ на русском и английском языках).

Основные положения диссертации представлялись в виде докладов и сообщений на следующих конференциях: за рубежом (Бат, Великобритания, 2000);

международных (Архангельск, 2002; Москва, 2004; Санкт-Петербург 2004, 2006, 2007, 2008; Сыктывкар, 2005; Пятигорск, 2007; Ярославль, 2008), всероссийских (Череповец, 2003, 2006; Москва, 2007; Пермь, 2007), межрегиональных.

На основании предложенной концепции межкультурного взаимодействия, осуществляемой иностранными наставниками в процессе образования и воспитания русских дворян, автором был разработан и введён в учебный процесс спецкурс «История образования в России», читаемый студентам, обучающимся по специальности «История», в Гуманитарном институте Череповецкого государственного университета.

Исследования, связанные с диссертационной тематикой, велись при поддержке грантов программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» (АНО ИНО-Центр совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США), грант № КИ 238-3-03) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-01-16179).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность и новизна темы диссертации, определены её объект, предмет, цели и основные задачи, аргументированы хронологические и территориальные рамки, даны дефиниции основных понятий и терминов, сформулирована научно-практическая значимость работы.

В первой главе «**Историкографические и источниковедческие аспекты изучения иностранного наставничества в России**» рассматривается литература по теме, характеризуется источниковая база работы.

Исследование темы иностранного наставничества в домашнем воспитании дворянства в России предполагает обращение к разноплановой литературе: посвященной различным аспектам истории дворянства (в том числе биографического характера) и дворянской культуры; затрагивающей вопросы положения иностранцев в Российской империи; касающейся проблем взаимовлияния и восприятия культур; по вопросам истории образования и воспитания в России; изучающей историю детства; и, наконец, исследования собственно феномена гувернёра.

Одни из первых исследований проблемы иностранных наставников вышли в XIX в. А.А. Васильчиков считал, что воспитание иностранцами приводило к полнейшему отречению от национальности¹. А. Воронов² кратко описал

¹ *Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: в 5 т. Т.2. СПб., 1880.*

² *Воронов А. Федор Иванович Янкович де-Мириево или Народные училища в России при императрице Екатерине II-й СПб., 1858.*

ситуацию с домашним образованием дворянства в предшествующий период, ссылаясь на известные образцы из произведений художественной литературы и немногочисленные, опубликованные на тот момент мемуары. По мнению исследователя, обучение под руководством невежественных иностранцев представлялось вредным и опасным.

Судьбы иностранных гувернёров и гувернанток лишь бегло упоминались в работах, посвящённых различным аспектам истории нашей страны. А.Н. Попов остановился на вопросе о высланных из Москвы в 1812 г. по указанию Ф.В. Ростопчина иностранцах, среди которых были и учителя¹. П. Юдин написал о судьбе тех из них, кто был выслан в Оренбургский край². В исследовании Е.О. Лихачевой³ разбираются педагогические системы европейского прошлого на предмет выявления доктрины женского образования, характеризуется российская ситуация. Заметна идейная направленность автора, не только теоретика, но и практика в борьбе за возможности женщин получать образование наравне с мужчинами.

Целый ряд работ по истории образования России написан С.В. Рождественским; особенно значимо юбилейное издание по истории Министерства народного просвещения, вышедшее к столетию деятельности этого ведомства⁴. Периодизация и дана «по министрам», поскольку личность каждого, как считал Рождественский, определяла курс, проводимый под его началом в МНП. Н.Д. Чечулин обратился к истории воспитания и домашнего обучения в России в XVIII в. в контексте изучения в целом русского общества той поры⁵. Разбирая ситуацию с домашним обучением, Чечулин привёл курьёзные случаи с иностранными учителями, сравнил обучение мальчиков и девочек по продолжительности обучения, количеству и качеству преподаваемых предметов. В.О. Ключевский⁶ выделил несколько этапов (начиная от Петра I), на которых происходила смена направлений образования и формировались особые типы русского дворянства, дав блестящие по форме характеристики.

¹ Москва в 1812 году. Сочинение А.Н. Попова по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1875. Кн.3. № 10. С.129-197.

² Юдин П. Ссылные 1812 года в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9. С.5-33.

³ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). В 3 частях. СПб., 1899.

⁴ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902.

⁵ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889; *Его же*. Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в. // Дела и дни. Исторический журнал Петроград, 1920. Кн. 1; Пб., 1922. Кн. 3.

⁶ Ключевский В.О. Два воспитания; *Его же*. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913.

А. Дунин опубликовал в 1909 г. краткий очерк, посвященный деятельности гувернёров (как иностранных, так и русских) в помещичьих семьях¹, доказывая, что численно преобладали иностранцы – французы и немцы, а уровень квалификации напрямую коррелировался со степенью оплаты и уровнем достатка семьи, в которой работал гувернёр. Пристальное внимание И. Павленко было обращено на вопросы, связанные с воспитанием и образованием в екатерининскую эпоху². По его мнению, учение под руководством иностранных гувернёров приносило внешний европеизм, в лучшем случае – возможность читать в подлинниках произведения художественной и научной мысли Западной Европы, но в этом была своя опасность – вольтерьянство, легкомысленное безбожничество, кошунства и нравственная распушенность. Одну из главных причин плачевного состояния русского просвещения Павленко видел в отсутствии руководящих идеалов воспитания.

Французский исследователь Ф. Тастевэн в работе «История французской колонии в Москве, со времени её возникновения до 1812 года»³ пришёл к выводу, что многие сведения о невежестве французских учителей носят анекдотический характер и были высказаны в пылу полемического запала в ходе борьбы с галломанией. Тастевэн использовал многочисленные французские источники, ранее неизвестные русским исследователям, но главный вектор межкультурных связей определял крайне односторонне, в плане исключительного заимствования русскими французских образцов. Кроме общеизвестных имён Лагарпа и Ж. Ромма Тастевэн напечатал целый список французских гувернёров, приводя данные (к сожалению, не во всех случаях) о том, уроженцами каких французских департаментов они были, какую карьеру делали во Франции, чем занимались в России и когда скончались⁴. Колоссальную работу о влиянии французской культуры (в том числе образования) на Россию опубликовал Э. Оман⁵. Автор привлёк источники как французского, так и русского происхождения, что значительно обогатило его исследование. Кроме традиционных сюжетов о попытках правительства контролировать качество домашних наставников – французов, Оман отметил, что после брака Павла Петровича с вюртембергской принцессой в России особое распространение получили гувернёры из Эльзаса, отличавшиеся билингвизмом. Также Оман показал, как галломания XVIII в. сменилась галлофобией в период наполеоновского нашествия.

¹ Дунин А. Гувернёры в старину в помещичьих семьях (Очерк) // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 185-194.

² Павленко И. Воспитание и образование в царствование Екатерины II // Русская школа. 1911. № 10; № 11.

³ Tastevin F. Histoire de la Colonie Française de Moscou. Depuis les origines jusqu'à 1812. Paris, 1908.

⁴ Ibid. P. 92-96.

⁵ Haumant Émile. La culture française en Russie (1700-1900). Paris, 1910.

Весь XIX – начало XX вв. продолжалась традиция изучения социокультурного облика дворянства, причём происходило не только накопление, но и осмысление материала. Многочисленные биографии представителей дворянства Петровской – Елизаветинской – Екатерининской – Павловской – Александровской – Николаевской эпох содержали данные о жизни, семейных связях, быте, культурных запросах и, что особенно важно для нас, отношении к образованию¹. Работы создавались как профессионалами, так и любителями, которые хотели сохранить для потомков дух уходящей эпохи «дворянских гнёзд», «помещичьего быта» и даже «грибоедовской Москвы». Многие из этих сочинений отличают характерные черты источников и литературы одновременно, особенно те из них, что написаны младшими современниками. Биографии, некрологи содержат черты анализа, характерные для исторических работ, а воспоминания о личных встречах отсылают такие работы к числу источников личного характера². После 1917 г. в отечественной историографии сформировалась традиция не-

¹ *Бартенев П.* Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии. Гл. 1-я. Детство М., 1854; *Божерянов И.Н.* Великая княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь Императора Павла I, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская. 1788-1818. Биографический очерк СПб., 1888; *Брихнер А.* Материалы для жизнеописания графа Никиты Петровича Панина. (1770-1837). В 3 т. СПб., 1888, 1890; *В.Н. Баронесса Крюднер* и ее переписка с князем А.Н. Голицыным // *Русский архив.* 1885. Кн.1. № 3; *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. В 5 т. СПб., 1880, 1882. Т.1,2,3; *Дмитриев Н.* Граф Александр Иванович Рибопьер. СПб., 1865; *Дунин А.А.* В старой Москве (Очерк) // *Исторический вестник.* 1916. Т.143. № 1; *Дуров Н.П.* Федор Васильевич Каржавин: его жизнь и похождения в старом и новом свете. 1745-1812 гг. // *Русская старина.* 1875. Т.12; *Кобеко Д.* Ученик Вольтера Граф Андрей Петрович Шувалов // *Русский архив.* 1881. Кн.1. Вып.2; *Колмаков Н.М.* Дом и фамилия графов Строгоновых. 1752-1887 гг. // *Русская старина.* 1887. Т.54. № 3, 4; *Ляковский В.* Алексей Степанович Хомяков // *Русский архив.* 1896. Кн. 3. № 11; *Огарков В.В.* Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Погодин М.* Сперанский // *Русский архив.* 1871. № 1-12; *Русские женщины нового времени.* Биографические очерки из русской истории. Составил Д. Мордовцев. В 3 т. СПб., 1874; *Теплов В.* Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // *Русский архив.* 1896. Кн.3. № 12; *Хмыров М.Д.* Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время. (1701-1791 года). СПб., 1867; *Шенрок В.И.* А.О. Смирнова и Н.В. Гоголь в 1829-1852 гг. // *Русская старина.* 1888. Т.58. № 4; *Шумигорский Е.С.* Графиня А.В. Бранишкая // *Исторический вестник.* 1900. Т.79. № 2, и др.

² *Безобразов В.П.* Граф Федор Петрович Литке. 1797-1832. СПб., 1888; *Биографический очерк графа В.Г. Орлова.* Составлен внуком его графом В. Орловым-Давыдовым // *Русский архив.* 1908. Кн.3. № 9-12; *Вяземский П.А.* Грибоедовская Москва // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12 т. Т. VII. 1855 г.-1877 г. СПб., 1882; *Его же.* Допотопная или допожарная Москва // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. В 12 т. Т. VII. 1855 г.-1877 г. СПб., 1882; *Герцен А.И.* Былое и думы: в 2 т. М., 1988; *Ковелин К.Д.* Авдотья Петровна Елгина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989; *Ковалевский Ез.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866; *Корф М.* Жизнь графа Сперанского. В 2 т. Т.1. СПб., 1861; *Шереметев П.С.* Борис Сергеевич Шереметев. 1822-1906. М., 1910; *Шереметев С.Д.* Василий Сергеевич Шереметев. СПб., 1890; *Шереметев С.Д.* Графиня Анна Сергеевна Шереметева. СПб., 1889; *Шереметев С.Д.* Мордвиновы. М., 1900; *Шереметев С.Д.* Старая Москва. В 3 ч. Ч.1. Екатерина Васильевна Шереметева. М., 1915; и др.

гательного отношения к деятельности иностранцев в России и дворянской культуре, а значит, и деятельности иностранных губернаторов. Особенно в 40-х - 50-х гг. XX в. специальных исследований об иностранцах в России в отечественной науке не было; в других работах их деятельности, как правило, давалась негативная оценка. В эмиграции же продолжались традиции изучения, сложившиеся в дореволюционной историографии¹.

К началу 60-х гг. XX в. негативизм по поводу роли иноземцев в истории России стал ослабевать, расширилось количество работ по двусторонним контактам России с другими странами. Возникла потребность специального и объективного исследования деятельности иноземцев, причем на современном уровне, на основе глубокого изучения всех существующих источников, в том числе массовых данных, извлеченных из архивов. С конца 80-х гг. XX в. появляются работы об иностранцах в Петербурге и Москве в XVIII-XIX² и др. Книга В.А. Ковригиной³ является итогом многолетнего поиска и исследования обширного архивного материала об иностранцах в Москве второй половины XVII и начала XVIII в., где даётся объективная оценка деятельности в том числе губернаторов.

В последнее время тема международных отношений, контактов с иностранцами, межкультурных связей, взаимовосприятия Запада – Востока стала актуальной, даже модной и привлекла внимание многочисленных исследователей. Был проведён целый ряд конференций, издано уже немалое количество работ – и монографии, и сборники статей, где кроме прочего рассматриваются

¹ *Миллер К.* Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. Париж, 1931.

² *Голландцы и бельгийцы в России XVIII-XX вв.* / Под ред. Э. Вагеманса, Х. ван Конингсбрюге. СПб., 2004; *Кабутан В.М.* Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII-XX веках (1719-1989). Историко-статистическое исследование. М., 2003; *Коротков С.Н.* Французские эмигранты в Санкт-Петербурге в конце XVIII века, русская цензура и культура Просвещения // *Петербургские чтения* – 96. СПб., 1996; *Немцы Москвы. исторический вклад в культуру столицы.* М., 1997; *Немцы в России. Петербургские немцы.* СПб., 1999; *Немцы в государственности России: Сб-к статей.* / Сост. и ред. Н.И. Иванова. СПб., 2004; *Ржеуцкий В.С.* Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // *Россия и Франция. XVIII - XX века.* Вып. 5 / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2003; *Его же.* Французы на русских дорогах: роль иммиграционной политики России 1760-х гг. в формировании франкоязычных землячеств Санкт-Петербурга и Москвы // *Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Материалы международного научного colloquium.* Саратов. 2-6 сентября 2001 г. Саратов, 2001; *Ржеуцкий В.С., Соколов В.А.* Французы в России в эпоху Просвещения (материалы к истории русско-французских связей 1760 – 1780-х гг. из архива французского посольства в Санкт-Петербурге) // *Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской Национальной библиотеки* / Под ред. Л.И. Киселевой. СПб, 2001; *Чеснокова А.Н.* Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы. (1703 – 1917). Ист.-краеведческие очерки. СПб., 2003; *Швейцарцы в Петербурге.* СПб., 2002; *Шрадер Т.А.* Правила проживания иностранцев в Петербурге на рубеже XVIII-XIX вв. // *Этнокультурные процессы в Петербурге.* Л., 1987.

³ *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1997.

вопросы образования в России, межкультурного диалога и взаимного влияния в исторической ретроспективе¹.

С позиций концепции диффузионизма рассматривает проникновение европейских инноваций в Россию Е.В. Алексеева². О европеизации придворной жизни, европеизации культуры высших слоёв России идёт речь в публикациях О.Г. Агеевой³. Важные для понимания ситуации второй половины XVIII в. рассуждения о двойственности сознания дворянства как результата наложения элементов европейской цивилизации на русские обычаи и традиции, содержатся в работах А.Б. Каменского⁴.

Е.Ю. Артёмова⁵ разбирает путевые заметки, дневники, письма, воспоминания путешественников, в том числе те, что ещё ни разу не переводились на русский язык и не издавались в нашей стране (Д.Лескалье, Ф. де Пиль, М. де ля Туш). Исследовательница констатирует, что из всех видов воспитания и обучения детей в России домашним формам в записках уделяется больше всего внимания. О восприятии французского языка в русской культуре говорится в работах Ю.М. Лотмана⁶. Особенно плодотворной нам представляется концепция Лотмана о цикле восприятия чужих текстов, когда они проходят путь от осознания их «чужими», знаками принадлежности к высшей культуре, через «растворение» текстов-провокаторов в толще воспринимающей культуры до превращения культуры-приёмника в культуру-передатчика, когда эта культура сама становится источником потока текстов, направляемых в дру-

¹ См., например: *Артёмова Е.Ю.* Французские путешественники о Москве (Вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.* Вып.1. М., 2000; *Витман Т.Б.* Рандеву культур (Россия и Франция) // *Текст - Дискурс - Диалог культур: Сб-к науч. статей.* СПб., 2005; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825-1853гг. М., 1982; *Кантор В.К.* Феномен русского европейца. Культурфилософские очерки. М., 1999; *Орлов А.А.* Русские и англичане друг о друге (1787-1815) // *Россия и внешний мир: диалог культур.* М., 1997; *Павлюкова О.Б.* Россия и Франция в XVIII – первой половине XIX в. // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.* Вып.3. М., 2006; *Россия – Германия: диалог культур – взаимоотношение наций = Russland – Deutschland: Dialog der Kulturen – Internationales Verständnis: Материалы Международной научно-практической конференции (Барнаул, 22 апр. 2004 г.) / Гл. ред. А.С. Кондыков.* Барнаул, 2004; *Россия – Швейцария: Документы и материалы.* М., 1995; *Русско-немецкие контакты в биографии Санкт-Петербурга.* Вып.1. С-Пб., 1992; *Симонова С.А., Сатина И.В.* Россия и Франция: опыт культурного взаимодействия. Воронеж, 2005; *Сыщиков А.Д.* Немецкие путешественники о Петербурге // *Петербургские чтения – 95.* СПб., 1995; *Фрагова О.Е.* Восток и Запад в русском художественном повествовательном тексте первой половины XIX века // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.* Вып.1. М., 2000.

² *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). М., 2007.

³ *Агеева О.Г.* Европеизация русского двора, 1700-1796 гг. М., 2006.

⁴ *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992; *Его же.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

⁵ *Артёмова Е.Ю.* Культура России глазами посетивших её французов (последняя треть XVIII века). М., 2000.

⁶ *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М.* Семiosфера. СПб., 2000.

гие, периферийные районы семиосферы¹. Теоретические аспекты роли языка в межкультурной коммуникации, формировании картины мира, культурной памяти рассматриваются в работах как зарубежных, так и отечественных лингвистов².

Внимание вопросам воспитания традиционно уделяли историки педагогики и литературоведы, а не только «чистые» историки.

О воспитании дворянина, в том числе и домашнем, говорится в популярных по своему характеру работах литературоведа О.С. Муравьевой³ и обобщающем, носящем общий характер, исследовании Ю.М. Лотмана⁴.

На то обстоятельство, что иностранные гувернёры и гувернантки учили не только языкам, но и формировали мировоззрение своих подопечных, обратил внимание Г.А. Тишкин⁵. Об особенностях организации и итогах женского образования XVIII – начала XX вв. написали В.В. Пономарёва и Л.Б. Хорошилова⁶. О типах женского поведения в области образования рассуждает А. Улюра⁷. На вопросы семейной иерархии и её влияния на домашнее воспитание дворянства обратила внимание Е.Б. Кудрявцева⁸. Проблемы домашнего воспитания стали предметом исследования О.Л. Зверевой и А.Н. Ганичевой⁹.

¹ Там же. С.272.

² *Алмазова Н.И.* Кросс-культурная составляющая иноязычной коммуникации: когнитивный и дидактический аспекты. СПб., 2003; *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва под ред. Т.В. Булыгиной. М., 1999; *Её же.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М., 2001; *Добрыднева Е.А.* Фразеологическая компетенция русской языковой личности // Фразеология и миропонимание народа: Мат-лы Международ. науч. конф.: В 2 ч. Ч.2. Фразеология и межкультурная коммуникация / Сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. Тула, 2002; *Елизарова Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2005; *Эпикина Л.С., Мамонтова Н.Ю.* Язык и коммуникация: из теории и практики межкультурного общения. Кемерово, 2002; *Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности. Сб. обзоров / РАН ИНИОН. Трошина Н.Н. (отв. ред.). М., 2000; *Махерова А.В., Нефёдова Л.А., Пасынкева В.В.* Основы французо-русской межкультурной коммуникации. Челябинск, 2005; *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

³ *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998; *Её же.* Обучение и воспитание домашнее // Быт пушкинского Петербурга: Опыт энциклопедического словаря. В 2 т. Т.2. Л.-Я. СПб., 2005. С.95-105.

⁴ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1996.

⁵ *Тишкин Г.А.* Женский вопрос в истории России // Феминизм и российская культура. Сб-к трудов / Науч. ред. и сост. Г.А. Тишкин. СПб., 1995. С.150.

⁶ *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2006.

⁷ *Улюра А.* Век восемнадцатый: «новое издание русской женщины, несколько дополненное и исправленное» // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001.

⁸ *Кудрявцева Е.Б.* Дети в семейной иерархии и воспитании русского дворянства в XVIII в. // Образование в пространстве культуры: Сб-к науч. статей. Вып. 2. М., 2005.

⁹ *Зверева О.Л., Ганичева А.Н.* Семейная педагогика и домашнее воспитание: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2000.

Они определяют XVIII век как «эпоху гувернёрства», считая, что эта форма домашнего образования приобрела именно в указанный период широко распространённый характер и стала типичной. В работе называются основные законодательные акты, призванные взять под контроль деятельность учителей-иностранцев в первой половине XIX в., говорится о запрете гувернёрства как вида частной педагогической деятельности после 1917 г. и о возрождении семейной педагогики в начале 90-х годов. Основное содержание работы посвящено теоретическим проблемам семейного воспитания; разбираются и труды по вопросам воспитания («Юности честное зерцало», «Об учреждении разных училищ...» Ф.Г. Дильтея). Анализируя качество иностранных наставников, Зверева и Ганичева противопоставляют образованных наставников царской семьи и редко соответствующих нравственным идеалам и слабо разбирающихся в науках наставников основной массы дворянства. Значимым представляется вывод о том, что «отсутствие контроля за деятельностью домашних гувернёров-иностранцев со стороны государства пошатнуло национальные корни просвещения», а «домашнее образование под руководством гувернёров-иностранцев признавалось в обществе привилегированным, а следовательно ему отдавалось предпочтение»¹, а «домашнее образование под руководством гувернёров-иностранцев признавалось в обществе привилегированным, а следовательно ему отдавалось предпочтение»². Зверева и Ганичева уверены, что «критерии выбора воспитателя-гувернёра отсутствовали»³, а «функции гувернёра не были чётко определены. Такая неопределенность объяснялась отсутствием единых требований к его деятельности от лица заказчика, незакреплённостью этих функций законодательно государством»⁴. Как результат осознания негативных моментов в деятельности иностранных наставников, «в конце XVIII в. в обществе назревает протест против гувернёра-иностранца»⁵. Эти выводы представляются нам чрезмерно упрощающими ситуацию.

Близкие по характеру вопросы исследует в своих работах С.В. Сергеева (Трошина). Её кандидатская посвящена характеристике гувернёрства как педагогического феномена, а докторская диссертация и монографии - анализу различных вопросов частного образования в России в последнюю четверть XVIII - первую половину XIX вв.⁶. Для Сергеевой как специалиста по истории педагогики важен аспект востребованности опыта этого вида образования в современных условиях. В своих работах исследовательница пыталась по-

¹ Там же. С.83-84.

² Там же. С.84.

³ Там же. С.85.

⁴ Там же. С.86-87.

⁵ Там же. С.87.

⁶ Трошина С.В. Гувернёрство в домашнем образовании России первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд.пед.наук. М., 1995; Сергеева С.В. Частное образование в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Пенза, 2000; Её же. Теория и практика частного образования в России (последняя четверть XVIII в. – первая половина XIX в.): Монография. М.-Пенза, 2003.

казать процесс становления и развития частного образования в России, дать оценку государственной политике в сфере образования, проанализировать содержание и формы организации домашнего образования. Сергеева отмечает, что в её диссертации и работе А.Н. Ганичевой впервые была предложена собственная периодизация развития гувернёрства в системе образования России (нам представляется, что периодизацию предлагал ещё И.П. Сахаров в XIX в.), определён социальный статус, образовательный уровень домашних наставников и учителей, выявлены их профессиональные обязанности и дана содержательная характеристика их деятельности. Заслуга Сергеевой - широкое использование педагогической литературы XIX в. и привлечение архивных материалов. Предметно рассматривает Сергеева основные методы обучения чтению, которые практиковали домашние наставники, разбирая их с позиций профессиональной педагогики и оценивая эффективность применения. Разбор методик учебников, использовавшихся гувернёрами, - безусловная заслуга Сергеевой. Столь же предметно анализируются методы обучения иностранным языкам. По мнению Сергеевой, под руководством гувернёров дети овладевали грамматикой, а «проблемы обучения устной речи, постановки произношения просто не вставали». В целом работы С.В. Сергеевой явились важным этапом в освещении темы домашнего образования в России как педагогического феномена.

Краткий хронологический период рубежа XVIII - XIX вв. освещён в интересных работах А.И. Любжина¹, но привлечённый документальный материал недостаточен для выводов аналитического плана. Наиболее значимым является вклад О.Е. Кошелевой² (для XVIII в.) и Н.Л. Пушкарёвой³ (для XVIII - начала XIX вв.). Н.Л. Пушкарёва на основе мемуаров, дневников и переписки характеризует содержание и пределы домашнего женского образования в России в елизаветинскую, екатерининскую и Павловскую эпоху, делая вывод о том, что дворянское воспитание являлось образом жизни, принимаемым сызмальства. Работы и Пушкарёвой, и Кошелевой написаны на основе анализа солидного числа мемуарных источников. Для постановки проблемы как таковой особо стоит отметить роль работ А.В. Чудинова, обозначившего важ-

¹ Любжин А. Домашнее воспитание в конце XVIII - начале XIX в. в России // Лицейское и гимназическое образование. 1998. №1; *Его же.* Очерки по истории российского образования императорской эпохи. М., 2000; *Его же.* «Париж, столица Франции ... ищите, дети!» Домашнее воспитание на рубеже XVIII-XIX веков // Домашнее воспитание. 2001. №1.

² Кошелева О.Е. «Своё детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI - XVIII вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; *Её же.* У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. №2.

³ Пушкарёва Н.Л. Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII - начала XIX в.) // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. №2; *Её же.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М., 1997.

ные подходы к изучению феномена французских губернёров в России¹. Значимыми являются и работы Владимира Береловича², посвящённые изучению образовательных стратегий русского дворянства второй половины XVIII в.

Отдельные сообщения о процессе и результатах деятельности иностранных воспитателей содержатся в исследованиях биографического характера об Александре I, Николае I и их сёстрах, Александре II, Александре III, С.Т. Аксакове и представителях его семьи, И.М. Виельгорском, А.С. Грибоедове, Д.В. Григоровиче, М.Ю. Лермонтове, Н.М. Муравьёве, А.С. Пушкине, М.М. Сперанском, А.С. Строганове, П.А. Строганове, С.С. Уварове, П.И. Чайковском³ и др. Есть попытки реконструкции биографии отдельных наставников, начиная со знаменитых Лагарпа и Ромма⁴. Здесь стоит обратить внимание

¹ См., например: *Чудинов А.В.* Французские губернёры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004.

² *Берелович В.* Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782-1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004.

³ *Андреев-Кривич С.А.* Тарханская пора [Жизнь и деятельность М.Ю. Лермонтова в Тарханах]. Саратов, 1981; *Виттеккер Ц.Х.* Граф С.С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н.Л. Лужешкой. СПб., 1999; *Высокочов Л.В.* Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Уфа, 1991; *Данилова А.* Пять принцесс. Дочери императора Павла I. Биографические хроники. М., 2002; *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985; *Корф М.* Жизнь графа Сперанского. В 2 т. Т.1. СПб., 1861; *Корф М.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817 гг.) // Сборник РИО. Т.98. СПб., 1896; *Кушин И.Ф.* Петр Ильич Чайковский. М., 1958; *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф»: жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999; *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночества. М., 2002; *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра // Великий князь Александр Александрович. М., 2002; *Цимбаева Е.Н.* Грибоедов. М., 2003; *Чернуха В.Г.* Великий реформатор и великомученик // Александр Второй: Воспоминания. Дневники / Вступит. статья, сост., примеч. и подгот. текста В.Г. Чернухи. СПб., 1995; *Шильбер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование: В 4 т. Т.1. СПб., 1897; *Шильбер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х кн. М., 1996; *Юнкер Г.* Детские годы Д.В. Григоровича по архиву Ивашёвых // Голос минувшего. 1919. № 1-4.

⁴ *Алексеев М.П.* Московские дневники и письма Клер Клермонт // *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т.91. М., 1982; *Бартенев П.И.* Жильбер Ромм (1750-1795). К истории русской образованности нового времени // Русский архив. 1887. Кн. I. Вып. 1; *Бори Ж.-Р.* Фредерик-Сезар де Лагарп и воспитание Александра I // Швейцарцы в Петербурге. Сб-к статей. СПб., 2002; *Левин Л.И.* Учёный и дипломат Христиан Фридрих Гросс по письмам и документам // Немцы в России: российско-немецкий диалог: Сб-к статей / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 2001; *Маржина Л.А.* Граф А.И. Остерман: штрихи к биографии // Немцы в России: Петербургские немцы: Сб-к статей / Отв. ред. Г.И. Смагина. СПб., 1999; *Палосина А.Н.* Губернёр Л.Н. Толстого – Проспер Сен-Тома (по материалам французских архивов) // Толстовский ежегодник. 2001; *Семевский М.И.* Фридрих Боленштедт. 1819-1882. Очерк его жизни и трудов // Русская старина. 1887. Т.54. № 5; *Чудинов А.В.* Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789-1790 гг.) // Россия и Франция XVIII-XX вв. Вып. 2. М., 1998; *Его же.* Книжные приобретения Ж. Ромма и П.А. Строганова в революционном Париже (1789-1790)

на смену подходов к традиционному жанру биографии. «Новая персональная история» ценит источники личного происхождения – эго-документы – именно за их субъективность.

В британской историографии также сложилась определённая традиция изучения деятельности своих соотечественников в России. Харви Питчер рассматривает вопрос о деятельности британских наставниц, в том числе опираясь на свидетельства тех бывших воспитательниц, которых ему удалось разыскать¹. Интересным представляется противопоставление цитируемого Питчером высказывания миссис Гаскел, что «быть гувернанткой в России было равносильно пристройной для леди форме самоубийства»², с замечаниями автора, что приехавшие в Россию получали значительные преференции. Важно и заключение Питчера о том, что с 1830-х годов из-за превышения в Англии предложения над спросом англичанки – потенциальные гувернантки – кинулись покорять другие страны. Всех их объединяли бедность, почему они и должны были зарабатывать себе на жизнь, и хорошее воспитание, благодаря чему они рассчитывали получить место воспитательницы. Среди многочисленных публикаций Э. Кросса³ есть исследования, затрагивающие вопросы работы в России британских гувернанток. Опираясь на российские и британские источники, он приводит данные, свидетельствующие о более раннем, чем считал Питчер, времени появления британских нянек, гувернанток и компаньонов в России, а также описывает случаи использования английских гувернёров и учителей английского языка в русских семьях ещё в XVIII в.

К полезным исследованиям социокультурного феномена гувернёвства на немецком материале относится монография Ирене Хардах-Пинке⁴. Исследовательница разбирает вопросы динамики гувернантских обязанностей, приводит многочисленные примеры работы немок в качестве гувернанток в разных немецких землях и других странах мира, в том числе России.

// Век Просвещения. Вып.1. М., 2006; *Ego же*. «Русский принц» и француз–«царевубийца» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В. М. Далкина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

¹ *Pitcher, Harvey*. When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. L.-Toronto, 1984.

² *Ibid.* P.33-34.

³ *Cross, Anthony Glenn*. "By the banks of the Neva": chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997; *Cross, Anthony*. Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // *Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross*. Oxford/Providence, 1993; *Cross, Anthony*. The Testament of a Forgotten 'Wife' // *Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross*. Oxford / Providence, 1993; *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

⁴ *Hardach-Pinke, Irene*. Die Gouvernante. Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt am Main, 1993.

Для понимания особенностей мемуарной литературы и её значимости в культуре дворянства, формировании идентичности его представителей использовались работы А.Г. Тартаковского, С.С. Минц, А.Е. Чекуновой и др.¹; для изучения эпистолярного наследия важны подходы Е.Н. Марасиновой². Целый ряд исследований посвятила изучению истории дворянской повседневности, эпистолярного наследия женщин-дворянок А.В. Белова³. Для понимания вопросов гендерной иерархии важное методологическое значение имеют работы специалистов по гендерной тематике, как зарубежных, так и отечественных – Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной и др.

История детства стала в последнее время популярным направлением историографии; особенно выделяются работы, написанные в русле педагогической антропологии. Большая часть работ по истории детства полезна с точки зрения методологической, но непосредственно с темой нашего исследования коррелируют работы О.Е. Кошелевой⁴. Их отличает глубокое знание предмета, использование подходов новейшей зарубежной историографии.

В целом, исходя из состояния историографии, можно считать назревшей проблему описания, анализа и осознания роли иностранного наставничества в формировании элиты российского общества, констатировать наличие многогранного исследовательского интереса к проблеме взаимодействия российской и европейской культур.

Данное исследование базируется на разнообразных источниках, которые можно поделить на:

- Законодательные акты;
- Делопроизводственные документы;
- Дидактические материалы, учебную и полемическую литературу;
- Материалы личного происхождения;
- Источники литературного характера.

Первую группу источников составляют законы, регламентирующие пребывание иностранцев в России, подзаконные акты и нормативные докумен-

¹ Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997; Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М., 1995.

² Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (по материалам переписки). М., 1999.

³ Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10; *Её же*. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII – первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб., 2001.

⁴ Природа ребенка в зеркале автобиографии: Учебное пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б.М. Бид-Бада и О.Е. Кошелевой. М., 1998; Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI-XVIII вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000.

ты. Отдельные аспекты воспитания юношества и деятельности иностранных наставников регламентировались в указах Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, Александра I, Николая I, принимаемых на их основе нормативных документах.

С 1834 г. под ред. А.В. Никитенко выходил «Журнал Министерства народного просвещения», в котором публиковалась вся необходимая законодательная база, отражалась деятельность Министерства, в том числе по регламентированию работы иностранных наставников, давались официальные комментарии, уточнения, распоряжения. Министр народного просвещения С.С. Уваров ввёл в практику публикацию ежегодных отчётов по министерству, предоставляемых императору. В них приводятся статистические данные (о числе занятых домашним воспитанием, о числе выданных свидетельств на право обучения в частных домах, о числе иностранцев, прибывших в Россию с целью заниматься воспитанием юношества). В обязательном порядке отчёты содержали наблюдения, выводы, замечания автора – министра Уварова.

Что касается делопроизводственной документации, то в процессе работы проанализированы имеющиеся архивные материалы Министерства народного просвещения (в РГИА), Московского (в ЦИАМ) и Петербургского (в ЦГИА СПб) учебных округов. Министерство народного просвещения контролировало (неэффективно до 1828 г.) процесс привлечения иностранных наставников, выдавая им свидетельства на право обучения в частных домах. По закону гувернантки и гувернёры должны были регистрироваться, чтобы иметь право работать в России (были и другие условия), регулярно сдавать отчёты о своей деятельности, при нарушениях платить в МНП штраф. В заполняемых анкетных листах они указывали свои именные и образовательные данные. Данные сообщались училищному начальству по месту работы наставника, затем отправлялись попечителю учебного округа. Попечитель учебного округа обобщал сведения и отправлял информацию в Петербург. Однако эти данные, представленные в формулярных списках, были ликвидированы в архиве МНП ещё в 1860-е – 1870-е годы, сохранились лишь общие статистические материалы. В функции второго стола Канцелярии Департамента народного просвещения, образованного в 1831 г., входило в том числе ведение переписки о домашних учителях, и в фонде Канцелярии второго стола Департамента народного просвещения МНП (РГИА, ф. 733, оп.7,8,9) отложились донесения иностранных миссий, сообщавших об оформлении соответствующих документов и выезде в Россию желающих заниматься наставнической деятельностью, материалы переписки с учебными округами по вопросам, связанным с разными аспектами деятельности иностранных наставников; несколько дел, касающихся иностранных наставников, отложились в фонде Канцелярии МНП (РГИА, ф. 735, оп.10). В фонде Канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб., ф.139) хранятся материалы переписки министров и

Департамента Народного Просвещения с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа о порядке исполнения распоряжений, регламентирующих работу иностранных наставников, о взимании денег за выдачу свидетельства на право обучения в частных домах, о выдаче самих свидетельств. В фонде Петербургского университета (ф. 14 ЦГИА СПб) остались материалы тех испытаний, которые проходили иностранцы, претендующие на получение свидетельства на право обучения в частных домах (по Уставу 1828 г., по указу 1831 г., а затем по Положению 1834 г.). Написанные при этом заявления, автобиографии, данные о социальной, национальной и религиозной принадлежности, копии метрик и свидетельств священников о крещении и соблюдении обрядов соответствующей религии, рекомендательные письма (в том числе от бывших работодателей), тексты сочинений, которые писали претенденты на роль наставников, сами вопросы экзаменов, уровень сложности их, представляют любопытнейший материал, ранее не использованный другими авторами. Материалы испытаний, отзывы о работе наставников отложились и в фонде второй петербургской гимназии (ЦГИА СПб., ф. 174). Всего проанализированы материалы, касающиеся более 90 человек, проходивших стандартную процедуру получения свидетельства в конце 1820-х – 1830-е годы. В фонде Канцелярии Петербургского губернатора (ЦГИА СПб., ф. 253) хранятся дела, содержащие информацию о высылке иностранцев за пределы России за те или иные противоправные действия. Среди таковых были и бывшие домашние наставники. Высылались иностранцы как по приговорам судебных мест, так и по особым распоряжениям (этим после 1826 г. занималось III отделение С.Е.И.В. канцелярии). В фонде попечителя Московского учебного округа (ЦИАМ, ф. 459) сохранились данные о выдаче свидетельств на исправление должностей домашнего учителя и домашней учительницы в 1830-е - 1850-е годы, какие выдавались именно иностранцам, о собираемых при этом денежных средствах, материалы переписки попечителя Московского учебного округа с министром и Департаментом Народного Просвещения. По этим материалам можно представить своего рода «скелет» биографии (подданство, религиозная и социальная принадлежность, некоторые представления об образовательном уровне) примерно 170 иностранок и иностранцев. Конечно, потеря формулярных списков невосполнима: там были данные о всех служебных перемещениях (из дома в дом, из губернии в губернию), ежегодные одобрительные отзывы о деятельности домашних наставников, но и имеющиеся материалы позволяют анализировать не единичных учителей, а представить более-менее полную картину на основе обработки массовых источников.

В газетах тогдашней поры отразились современные тенденции в развитии образования. Дворяне помещали в них объявления о том, каких учителей, гувернёров, гувернанток и с какими качествами им нужно, а сами учителя сообщали о желании найти себе место, всячески превознося свои таланты. Печатались и сообщения об услугах посредников, готовых предоставить желающим

домашних учителей на обоюдовыгодных условиях. В ходе проведения исследования использованы материалы «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1718 г. выходили 2 раза в неделю, потом 3, с 1831 ежедневно) и «Московских ведомостей» (выходили с 1756 г.), ведущих информационных изданий второй половины XVIII – первой половины XIX вв.

Изучены мемуарные источники воспитанников иностранных бонн, гувернанток, гувернёров и свидетелей такого процесса воспитания (родственников, знакомых, других очевидцев): Николая I, его жены Александры Фёдоровны, дочери Ольги Николаевны, великого князя Александра Михайловича, князя императорской крови Гавриила Константиновича, герцога Н.М. Лейхтенбергского, А.К. Анненковой, П.Е. Анненковой, Ю.К. Арнольда, П.И. Бартенева, Н.И. Бахметева, Е.А. Бибиковой, гр. А.Д. Блудовой, В.В. Бобарыкина, П.Д. Боборыкина, А.П. Бологовской, А.Т. Болотова и многих других (всего более 120 человек). Подобные записки во многих случаях соединяли в себе автобиографии, родословия, собственно воспоминания, слухи и размышления. Эти материалы позволяют оценить роль иностранных бонн, гувернёров и гувернанток в формировании языка мышления и коммуникаций, нравственных ценностей, религиозных и политических предпочтений, манеры поведения, жестикюляции, стиля питания, гигиенических навыков, круга чтения, особенностей проведения досуга и других привычек повседневной жизни воспитанников и их окружения.

Мемуары могли включать в себя не только собственные воспоминания, но и отшлифованные многочисленными повторами семейные предания. Мог быть и вариант, когда внук или внучка описывали жизнь бабушки, в том числе и от её имени¹. В случае Н.П. Грот и П.П. Семёнова-Тян-Шанского мы имеем дело с воспоминаниями о детстве, написанными сестрой и братом, которые во многих случаях возвращались к одним и тем же сюжетам, и мемуары каждого из них добавляют, уточняют общую картину.

Дневники и письма отражали сиюминутную ситуацию, в гораздо меньшей степени «корректированную» работой памяти (по сравнению с мемуарами). Дневники впоследствии могли стать основой мемуаров, и порой трудно провести грань между этими видами источников. В данном исследовании привлечены дневники А.А. Воейковой, Л.В. Дубельта, А.П. Керн, А.В. Никитенко, А.А. Олениной, А.Е. Полилова, Е.И. Поповой, Е.А. Свербеевой, А.О. Смирновой, А.Ф. Тютчевой, С.Ф. Уварова, А.В. Храповицкого, В.П. Шереметевой, Е.А. Штакеншнейдер.

Для того времени было характерно, что письма носили публичный характер: их читали домочадцы, друзья, делали выписки наиболее удачных мест и демонстрировали окружающим. Известными создателями произведений

¹ Бабушка Екатерина Александровна Бибилова (Из воспоминаний внучки) // Русский архив. 1883. Кн.3; *баронесса В. Лепель*. Елисавета Петровна Глебова-Стрешнёва. По воспоминаниям внучки её Натальи Петровны Бреверн // Русский архив. 1895. Кн.1. № 1; Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. Л., 1989.

эпистолярного жанра были Н.М. Карамзин¹, В.А. Жуковский², П.А. Вяземский³, А.И. Тургенев⁴. Письма в условиях правильно организованной почтовой службы являлись быстрым вариантом коммуникации, в них новости передавались быстрее, чем через газеты. Известными передатчиками слухов были Булгаковы – Яков Иванович и его сыновья Константин и Александр, соответственно петербургский и московский почт-директора⁵. В настоящем исследовании использованы письма: Екатерины II, Александра I и его сестры великой княгини Екатерины Павловны, императрицы Елизаветы Алексеевны, Александра II, Александра III, представителей нескольких поколений семейства Аксаковых, А.А. Воейковой (в том числе с гувернанткой её дочерей), членов обширного клана Волконских (кн. Г.С. Волконского, кн. А.Н. Волконской, кн. С.Г. Волконской, кн. М.Н. Волконской и др., в том числе с гувернантками), С.И. Муравьева-Апостола (гувернантке княжны Хилковой m-lle Gugenet), гр. А.К. Разумовского (его бывшему гувернёру) и многих других (всего более 70 человек).

Поскольку стратегию воспитания детей в абсолютном большинстве случаев определяли родители / опекуны, то определённая часть информации по обозначенной теме исследования содержится в материалах личных архивов, в том числе опубликованных. Это указания о необходимости поиска гувернёра / гувернантки, о требованиях, предъявляемых к ним, об условиях найма, о самой процедуре поисков. Привлечены материалы семейных кланов Шереметевых, Вяземских, Карамзиных, Тургеневых: благодаря активной публикаторской деятельности в конце XIX – начале XX вв. прежде всего графов С.Д. и П.С. Шереметевых известны указы домового канцелярия графа П.Б. Шереметева, переписка с управляющим графа Н.П. Шереметева, письма к нему В.С. Шереметева, переписка князя П.А. Вяземского с братьями Тургеневыми (А.И. Тургенев подыскивал Вяземским гувернёра и гувернантку, чему посвящён целый цикл писем). Особенно интересна ситуация с воспитанием графа

¹ Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому 1810-1826 (Из Остафьевского архива). Изд. с предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб., 1897.

² Письма В.А. Жуковского // Русский библиофил. 1915. № 7; Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу (В бытность Его Наследником-цесаревичем) // Русский архив. 1883. Кн. 1, 2, 3; Письмо Жуковского к г-же Моро де ла Мельтер (июнь 1817 г.) // Русский архив. 1875. Кн. 3. № 10.

³ Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. I. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812-1819. СПб., 1899; Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. II. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823. СПб., 1899; Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836. СПб., 1899.

⁴ Переписка Александра Ивановича Тургенева с князем Петром Андреевичем Вяземским. 1814-1833 годы. Т. I. Пг., 1921; Письма Александра Тургенева Булгаковым / Под ред. И.К. Луппол. М., 1939.

⁵ Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. Кн. 3. Вып. 9-12; 1904. Кн. 1. Вып. 3-4.

С.Д. Шереметева: мы можем сопоставлять его мемуары, написанные в зрелом возрасте, с материалами переписки его отца, графа Д.Н. Шереметева, с управляющим И.Ф. Апрельевым, и об одних и тех же событиях узнавать из столь разных источников¹.

К сожалению, многие источники, поскольку они были именно личного происхождения, не сохранились (в условиях разгрома усадеб, где в основном хранились такие документы), или оказались разрознены.

Ценным источником выступают и путевые дневники, авторы которых, посещая различные города и веси, имели возможность сравнивать и оценивать ситуацию свежим взглядом путешественника. Мемуарные источники, письма, дневники и путевые заметки иностранцев, находившихся в России (Ф. Ансело, Т. де Белькура, К.Р. Берка, леди Блумфильд, К. и М. Вильмот, фон Герлаха, Т. Готье, Э. Джастис, А. Дюма, де Корберона, Д. Лескалье, Ш. Массона, де ла Мессальера, Ж. де Местра, Б.Х. Миниха, И. Оже, Ф. де Пиля, леди Рондо, С.Ф. Сегюра, М. де ля Туша, Ж. Шаппа д'Отроша и др.) дают возможность посмотреть на российскую действительность «со стороны», взглядом удивлённого, заинтересованного, разочарованного, предубеждённого и т.п. свидетеля. Конечно, не всем их сообщениям можно доверять, когда речь идет о русской действительности, им совершенно непонятной. А вот выводы о соотечественниках заслуживают большего доверия. Определёнными предпочтениями сравнительно с представителями других национальностей пользовались французские путешественники. У них не было языкового барьера при общении с русскими дворянами, и они получали возможность гораздо глубже «заглянуть» в жизнь этого социального слоя. Особенно ценным источником представляются произведения самих гувернанток и гувернёров – сообщения А. Шлёцера², прошения об освобождении Ж. Годфруа³, письма и дневники английской гувернантки К. Клермонт⁴, воспоминания немца Ф. Боденштедта⁵, записи рассказов Ф. Дюрбах о детстве П.И. Чайковского⁶, записи Ш. Боурн⁷, сообщения о приключениях в плену у Шамиля французской гувер-

¹ Шереметев С.Д. Воспоминания детства. СПб., 1896; *Его же*. Воспоминания. 1853-1861. СПб., 1898; *Его же*. Домашняя старина. Вып. II. Переписка Гр. Д.Н. Шереметева с Иваном Федоровичем Апрельевым. М., 1902.

² Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. В 5 т. СПб., 1880, 1882. Т.1,2,3.

³ Юдин П. Ссылные 1812 года в Оренбургском крае. К истории Отечественной войны // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9.

⁴ The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808-1834. Baltimore & London, 1995; The Journals of Claire Clairmont 1814-1827. Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge, 1968.

⁵ Боденштедт Ф. Воспоминания Фридрих Боденштедта о пребывании в России в 1841-1845 гг. // Русская старина. 1887. Т.54. № 5.

⁶ Чайковский М. Жизнь П.И. Чайковского (По документам, хранившимся в архиве в Клину). В 3 т. Т.1. М., 1997.

⁷ Cross, Anthony G. Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in

нантки А. Дрансе¹. Эти источники с «противоположной стороны» позволяют избежать некоторой однобокости в описании губернёрской деятельности, неизбежной при использовании материалов только из «лагеря» воспитанников и их родителей. Служба «в гувернантках» или «в губернёрах» - это такой временной континуум, в котором женщина / мужчина в большинстве случаев недворянского происхождения становятся заметными для окружающих, и, следовательно, обнаруживают себя (что в других случаях нехарактерно для столь низкого статуса) в пространстве дневниковых записей, произведений эпистолярного жанра, мемуаров. Особенно выделим дневники и письма Клер Клермонт. Эта англичанка знала несколько языков, была музыкально одарена, не чужда литературных талантов, и её зарисовки московского быта, рассуждения о детях и их воспитании, о русских вообще, подробная запись ежедневной рутины английской гувернантки являются замечательным источником.

Специфическим источником являются тексты, созданные детьми непосредственно в процессе осуществления с ними воспитательных и образовательных мероприятий. Мы располагаем фрагментами писем и письмами великого князя Николая Павловича его бывшей няне Джейн Лайон², детей А.А. Воейковой их бывшей гувернантке miss Parish, княжны М.П. Вяземской её отцу³, П.И. Чайковского его бывшей воспитательнице Ф. Дюрбах, записями из его тетрадей, сохранных бывшей гувернанткой⁴, сочинением Бориса Шереметева, написанным по настоянию губернёра⁵.

Решение задач исследования предполагает тщательный анализ обозначенных источников, прежде всего писем, дневников и мемуаров с особым вниманием к деталям, отражённым в них. Важным аспектом работы с источниками были отбор и накопление биографических данных об отдельных лицах, что позволило уточнить сведения о национальности, семейном положении иностранцев, конфессиональной принадлежности, отметить семейные и родственные связи, проследить перемещения иностранцев по России и наставников - из семьи в семью, выявить связи между семьями работодателей. Эти сведения

Pre-Emancipation Russia // Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross. Oxford / Providence, 1993.

¹ Воспоминания Госпожи Дрансе, взятой в плен вместе с княгинями: Варварой Ильиничной, вдовою генерал-майора князя И. Орбеллани, Анной Ильиничной, супругою полковника князя Д. Чавчавадзе, с детьми их и другими, во время вторжения скопищ Шамиля в Кахетию, в 1854 г., изданные в Париже в 1857 году / Пер. с франц. Тифлис, 1858.

² Корф М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796-1817 гг.) // Сборник РИО. Т.98. СПб., 1896.

³ Письмо княжны М.П. Вяземской её отцу П.А. Вяземскому // Из семейной старины. По бумагам Остафьевского архива князей Вяземских. СПб., 1903. С.13-14.

⁴ Чайковский М. Жизнь П.И. Чайковского (По документам, хранящимся в архиве в Клину). В 3 т. Т.1. М., 1997.

⁵ Шереметев П.С. Борис Сергеевич Шереметев. 1822-1906. М., 1910

нашли отражение в разделе Приложения «Сведения биографического характера». В него также включена информация об иностранцах – путешественниках, авторах дневников и писем о пребывании в России, о родственниках и друзьях иностранных воспитателей, об их воспитанниках, о работодателях, т.е. о тех, в чьих семьях трудились гувернантки и гувернёры, об их родственниках и знакомых, которые либо участвовали в выборе наставников, либо оценивали их, либо ещё каким-то образом влияли на их деятельность. Транскрибирование имён иностранцев вызывает определённые сложности, поэтому в большинстве случаев мы стараемся воспроизводить имена иностранных наставников на их языках и на русском.

Полемические сочинения, записки аналитического плана по разным вопросам, касающимся проблем воспитания, также являются ценным источником для изучения общественного мнения и взглядов наиболее влиятельных, авторитетных, думающих авторов разной политической ориентации. Власть аккумулировала подобные мнения, что-то использовалось по назначению, что-то учитывалось частично, какие-то предложения отвергались. В любом случае важно знать, каков был спектр мнений по исследуемым темам. К таким источникам относятся тексты Ф.В. Булгарина, Жозефа де Местра, Н.Н. Мордвинова, А.С. Пушкина¹ и др.

К источникам, важным для понимания различных сторон мировоззрения дворянства, его общественного сознания можно отнести те сочинения, которые предназначались для того, чтобы сформировать «настоящего дворянина», настоящего «светского человека». Большинство изданных в России работ по истории и теории педагогики представляло собой перевод французских, немецких и иных сочинений, либо компиляции из разных иностранных книг². Изучение подобной литературы помогает представить тот круг знаний и качеств, которые в представлениях современников были необходимы для совершенного учителя и продукта его деятельности – совершенного ребёнка дворянского происхождения.

Особый вид источника – планы педагогической (образовательной и воспитательной) деятельности, написанные для конкретного заказчика³.

¹ Булгарин Ф. О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М., 1998; де Местр, Жозеф. Петербургские письма 1803-1817: Пер. с франц. СПб. 1995; Его же. Санкт-Петербургские вечера / Пер. с франц. и примеч. А.А. Васильева под ред. А.Г. Терехова. СПб., 1998; Мордвинов Н.С. Народное просвещение в России // Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова: В 10 т. Т.4. СПб., 1902; Пушкин А.С. О народном воспитании. 1826 // Полное собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд. Т.7. М., 1958.

² Опыт о воспитании благородных девиц, сочинён госпожю *** с франц. на рос. язык переведен Михайлом Семчевским. СПб., 1778; Правила воспитания, приспособленные к понятию всякому. Соч. Г. Шателена. Пер. с фр. М., 1790.

³ Общий план воспитания и увеселения молодого кавалера от 12-13 до 14 лет. План повседневных занятий на первое полугодие // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба / Сост. и предисл. Г.В. Вдовин. М., 2001; Записка аббата Николя о воспитании молодого князя А.Н. Волконского // Русский архив. 1895. Кн.1. № 4; Лунин М.С. План начальных занятий, разделенный на 3 этапа с 8-летнего возраста до 14 лет // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987.

Педагогические трактаты создавались и родителями, точнее, отцами, дядями и дедами, задумывавшимися о воспитании собственных детей, племянников и внуков¹. Характерно, что все они затрагивали вопрос привлечения иностранцев для воспитания.

Анализ педагогической литературы XIX века (например, «Руководства для гувернёров и гувернанток» Лесгилье и др.²) позволяет дополнить картину стереотипных представлений о достоинствах и недостатках воспитателей - представителей той или иной национальности и осуществляемых ими методов педагогического воздействия. Работа А. Лесгилье относится к 1870 г., но в ней обобщается опыт гувернёрской работы, даются рекомендации родителям и самим наставникам на основе многолетней практики, поэтому использование данного сочинения в том числе и как важного источника представляется вполне оправданным. Характерно, что работа опубликована параллельно, под одной обложкой, на русском, французском и немецком языках с подзаголовком «необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России». Книга, действительно, содержала массу сведений и рекомендаций, полезных как гувернёрам и гувернанткам, так и родителям. Важной особенностью было и помещение в приложениях текстов основных правительственных распоряжений, касающихся деятельности домашних наставников. «Руководство» Лесгилье было разумной, написанной с прагматических позиций книгой, и можно только сожалеть, что она появилась достаточно поздно, в период, когда домашнее образование окончательно сдало свои позиции.

Интереснейшим источником служат произведения художественной литературы, поскольку в произведениях выдающихся и второстепенных русских и иностранных писателей выводились образы иностранных гувернёров и гувернанток и в зависимости от степени популярности автора они также влияли

¹ Назидательные правила покойного родителя нашего Павла Ивановича Фон-Визина писано им самим в 1799 г. в Москве апреля 17-го числа // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX в.). Вып. XI. М., 2001; *Барятинский И. И.* Записка о воспитании сына // Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский // Русский архив. 1888. Кн. 1. № 1; *Ширинский-Шихматов А. А.* Письма о воспитании благородной девицы и о обращении ее в мире. М., 1901.

² *Лесгилье А.* Руководство для гувернёров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870; *Правила светского обхождения о вежливости, полная карманная книжка, содержащая правила, наставления, применения, и примеры как представить себя в общество, и как обращаться в нём, сочинённая издателем наставлений уборного столика. / Пер. с франц. М., 1829; Жизнь в свете, дома и при дворе. СПб., 1890.*

на формирование культурной среды, становясь фактом культурной жизни¹. В целом состояние источниковой базы позволяет решать задачи исследования.

Во второй главе «Правовые, экономические, социальные, межличностные основы деятельности иностранных наставников в России» исследован достаточно большой круг проблем. Прежде всего, описана деятельность первых наставников, появившихся в России в царской семье, семьях ближайших сподвижников Петра I, семьях иностранцев, живущих в России. Разбирается терминологический вопрос, связанный с использованием различных наименований и обозначений для иностранцев, трудившихся в России на ниве просвещения. Термины «гувернер» и «гувернантка» были далеко не единственными. По тому, какое обозначение наставника использовано, мы можем представить эмоциональную окраску той системы семейных отношений, в которую были включены воспитатели.

Бонна обеспечивала физиологический процесс выращивания младенца, гувернантка же занималась воспитанием, обучая ребенка, целенаправленно передавая ему социокультурные знания и навыки, т.е. в её руки ребёнок переходил тогда, когда уже мог быть относительно самостоятелен и не нуждался в ежеминутном уходе. Девочку гувернантка воспитывала вплоть до взросления (например, выхода замуж), мальчиком занималась до 5-8 лет (в исключительных случаях и позже), после чего он переходил в руки гувернёров или учителей. Гувернёр должен был научить мужским практикам поведения и дать знания.

В разделе 2.2 охарактеризована законодательная база, определявшая основы деятельности иностранных наставников в Российской империи. При этом обращает на себя внимание периодичность появления указов о необходимости всем иностранным учителям обязательно получать в России соответствующие документы, что говорит о невыполнении на практике принимаемых постановлений и распоряжений. Показана стандартная процедура оформления документов и прохождения испытания для получения свидетельства на право быть домашним учителем или гувернанткой (раздел 2.3). В соответствии с курсом на «сворачивание» домашнего образования, реализуемого Министерством народного просвещения, эта процедура постепенно усложнялась, что должно было отпугнуть определённую часть иностранцев и затруднить им гувернёвскую карьеру.

Иностранцы только могли «исполнять должность», но не пользовались правами и преимуществами, которые давали звания «домашнего наставника»,

¹ Образ гувернантки и гувернёра представлен в произведениях С.Т. Аксакова, Д.Н. Бегичева, А. Беловой, П.Д. Боборыкина, Е.А. Ган, Н.И. Греча, Ж. Деваля, М.С. Жуковой, М.Н. Загоскина, А. Зражевской, Л.Н. Толстого, А.Я. Марченко, Н.И. Мердер, И.Л. Миллер, К.К. Павловой, Н.А. Полевого, А.С. Пушкина, Е.П. Ростопчиной, А.П. Степанова, И.С. Тургенева, Ф.фан-Дим, Ст. Цвейга, А.П. Чехова, Е.Л. Шварца, М.А. Шмелевича и др.

«домашнего учителя» и «домашней учительницы». Выясняется, что на практике система контроля за деятельностью иностранных наставников в России сложилась только в николаевское царствование, после серии указов и министерских распоряжений 1834 г. В итоге получилось заметное уменьшение числа приезжающих в Россию потенциальных воспитателей-иностранцев (всего 18 в 1847 г.). Министр просвещения С.С. Уваров выражал надежду, что вскоре практически все воспитатели станут русскими. В 1848 году, во время очередной революционной волны в Европе, из опасения, что учителя-иностранцы могут внести в Россию нежелательный и опасный дух, был на время совсем прекращён доступ в Россию иностранцам, желающим посвятить себя воспитанию юношества. Были приняты меры и против заграничного воспитания русских детей: родителям повторили о необходимости воспитывать своих детей от 10 до 18 лет непременно в России. Эти меры привели к значительным изменениям в образовательных практиках. В документах, где фиксировались выданные свидетельства на право обучения в частных домах, всё чаще стала появляться формулировка: «из иностранцев, подданство российское».

Специальный раздел (2.4) посвящён выяснению численности домашних наставников и анализу их качественных характеристик. Чёткие данные относятся ко второй четверти XIX века, когда информацию об иностранцах, прибывающих в Россию, сдающих экзамены на право обучать в частных домах и реально работающих таковыми, собирало Министерство народного просвещения, а данные об общей численности иностранцев в разных российских регионах аккумулировало III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии, но и эти цифры не полны и могут включать разные категории иностранцев, а не только воспитателей. Что касается данных МНП, то сложно сказать, все ли наставники официально определяли свой статус, получая свидетельство установленного образца. Какая-то часть наставников официального статуса иностранца не имела, приняв российское подданство, но оставаясь иностранцами по сути. Данные об общем количестве лиц, занятых домашним обучением, приводятся в таблицах и диаграммах. По данным Министерства народного просвещения, это были от 1111 (1838 г.) до 2343 (1852 г.) человек, включая лиц обоего пола и любого подданства. Самая квалифицированная категория, «домашние наставники», т.е. мужчины с университетским образованием, насчитывала, судя по официальным данным, в районе 41-54 человек. Количество домашних учителей, успешно прошедших испытания на право обучения в частных домах, измерялось в принципиально больших единицах, достигая в 1847 г. максимальной точки в 273 человека. Количество домашних учительниц – т.е. женщин, успешно прошедших испытания, в целом (за исключением 1847 г.) превосходит число домашних учителей, и значительно превышает численность домашних наставников. Отчёты по МНП позволяют представить численность иностранок, исполнявших должность гувернанток. Судя по официальной статистике,

их численность не превышала 25 на всю страну, что вряд ли можно воспринимать как полные данные. Возможно, такие мизерные цифры получились из-за расхождений официальных и общепринятых наименований (название «гувернантка», употребляемое в быту, могло соответствовать как официальному наименованию «домашней учительницы», так и «женщины, занимающейся первоначальным обучением», или «надзирательницы», которые, как особы, занятые примитивным «присмотром» за детьми, вообще не учитывались, а для бытового термина «гувернёр» могли быть три официальные формулировки – «Домашний наставник», «домашний учитель», «надзиратель»). За период с 1834 по 1843 г. было выдано 4483 свидетельства на право домашнего обучения. Если проанализировать число тех иностранцев, кто получил свидетельство на право исправления должности домашнего учителя / учительницы, то заметно первоначальное превышение числа мужчин над женщинами, а общая численность полученных документов колеблется от 25 до 115 на протяжении тех лет, что велись подсчёты. В исследовании представлены сводные таблицы с именами и различными данными тех, кто проходил испытания в Санкт-Петербурге и Москве для получения свидетельства на право обучения в частных домах. Имеющиеся данные вполне иллюстрируют тезис о преимущественном распространении французских наставников при достаточно ощутимой численности их немецких и швейцарских коллег.

Отдельно разбирается вопрос о социальном положении наставников (раздел 2.5). Гувернёрами и гувернантками могли быть лица аристократического происхождения, в силу политических или финансовых обстоятельств лишившиеся возможности вести соответствующий сословной принадлежности образ жизни. Второй случай попадания в наставники – подъём по социальной лестнице. Этот вариант также был непростым: гувернёры и гувернантки должны были обучить практикам поведения, характерным для более высокой статусной группы, чем та, к которой они принадлежали сами. Для этого им надо было самим виртуозно освоить все символы, обозначающие принадлежность к «обществу». Выступая своего рода экспертом по правилам хорошего тона и поведения в «обществе», но в большинстве случаев к этому «обществу» не принадлежа, гувернантки и гувернёры оказывались в ложной ситуации, чреватой неправильными репрезентациями и фальшивыми ожиданиями. В общественном мнении профессия гувернантки / гувернёра никогда не воспринималась как престижная, а люди, занимающиеся этим делом, чувствовали свою «второсортность». В целом статус наставника высок по сравнению с другим обслуживающим персоналом дворянского дома, но только применительно к XVIII в. можно говорить о более-менее равном статусе наставника с членами семьи. По мере распространения гувернёрства статус понижается. Слой иностранных наставников маргинален по сути – и по происхождению, и по отношению к культуре (своей и российской). Именно изначальная мар-

гинальность – культурная, статусная и т.п. – основа значительного количества проблем иностранных наставников.

Описывая внешность, возраст, характер иностранных воспитателей и воспитательниц на основе мемуаров, писем и дневников (раздел 2.6), можно сделать вывод, что хотя критерии внешнего вида, возраста и характера гувернёров и гувернанток существовали, реальные исполнители этих должностей могли обладать весьма существенными отличиями от стандарта. В целом заметна тенденция такого рода: в случае мужчин предпочтение отдавалось лицам среднего или даже молодого возраста, желательна приятная наружность. В случае женщин выше ценились пожилые дамы, желательны вдовы, или старые девы. Непривлекательная наружность здесь даже приветствовалась. Применительно к характеру наставника требования были более-менее универсальны: спокойный нрав, доброта, ум. Многие родители высоко ценили требовательность, строгость наставников. Сильной стороной воспитателей было наличие европейского лоска.

В разделе 2.7 «Поиски наставника. Выбор воспитателя. Условия жизни. Оплата» разбирается вопрос о том, какими путями родители или опекуны находили наставников для детей. Выясняется, что сложились разные формы поиска: и за границей, и в столичных городах. Посредниками выступали священники различных христианских конфессий, родственники и знакомые, живущие за границей, специальные агенты. Публикации объявлений в газетах также были распространённым вариантом, исключая период второй половины 1820-х - начала 1850-х, когда постепенно сложились формы тотального контроля за домашним обучением. Сам процесс поиска, как показывает переписка А.И. Тургенева с П.А. Вяземским, был непростым делом даже для высокообразованных русских, находящихся за границей. Сильно сужались возможности привлечения качественных воспитателей при ограниченных денежных средствах. мода на наставников, представителей разных стран, менялась, поскольку менялись доминирующие языки. Как результат, между поколениями возникали лингвистические и даже более серьёзные межкультурные конфликты. Выбор мог диктоваться политическими соображениями. Наиболее распространёнными были французские наставники, но бывали периоды, когда их считали опасными как потенциальных носителей революционных идей. Не всегда благонадёжными считались и швейцарцы. С 1830-х гг. иностранные няни всё чаще сочетались с русскими гувернантками и учителями.

Выяснение условий жизни наставников приводит к заключению, что характер профессии определял практически весь ритм жизни гувернантки и гувернёра, и даже во время сна по соседству с ребёнком они должны были быть готовыми отреагировать на ночной кошмар воспитанника. Профессия наставника – одна из немногих, предъявляющих столь высокие требования к человеку, когда ежеминутно нужно быть на высоте возложенных обязанностей.

Живя в семье в течение длительного времени, гувернантка и гувернёр вовлекались в сложную систему отношений (раздел 2.8), при этом именно отношения с окружающими становились той линзой, которая позволяет нам рассмотреть индивидуальные черты того или иного наставника. Иностранные наставники воспринимались первоначально как ЧУЖИЕ (нездешние, странные, незнакомые, необычные), но близкие контакты с ними, готовность воспитанников и прочих домочадцев к восприятию иного переводили их в категорию ДРУГИХ, а длительно идущая европеизация и включённость отдельных гувернёров / гувернанток в жизнь нескольких поколений той или иной семьи приводили к тому, что они становились СВОИМИ. При этом надо иметь в виду, что это не иностранные наставники меняли свою идентичность, а чаще русские совершали «движение навстречу» в процессе аккультурации, т.е. приобщения к иной культуре. Сложная сеть связей домашних наставников разбирается на примере отношений с родителями воспитанников, самими воспитанниками, братьями и сёстрами учеников, кузинами, кузенами, тётями, дядями, бабушками, дедушками и другими родственниками, свойственниками, соседями, знакомыми, слугами, соотечественниками иностранных воспитателей. Английская гувернантка К. Клермонт в 1825 г. жаловалась своей сводной сестре Мери Шелли, как трудно выстроить доброжелательные отношения с русскими родителями: «Беседа Московских леди такая же, как у жён двух владельцев магазинов в провинциальном городке: первый вопрос, после обсуждения городских скандалов, это довольны ли они своей гувернанткой? Они никогда не ответят утвердительно, и Вы услышите целый список обид, нанесённых несчастными гувернантками, так что можно подумать, что это рой саранчи, которая прибыла, чтобы обосноваться, на некую несчастную территорию, и изничтожила последние остатки изобилия – гувернантки настолько капризны, настолько дерзки, они поедают и выпивают всё, что только найдут в доме; они загоняют лошадей до смерти, они разрушают всю мебель, и докторские счета на них самые дорогие, и у каждой гувернантки не меньше тысячи любовников»¹. Клер называла все эти домыслы «ужасной клеветой на несчастных гувернанток»², но именно такие стереотипные представления формировали отношение к наставницам.

Выясняется, что не только гувернёры и гувернантки вовлекались в сложную сеть отношений, но и могли создавать для своих воспитанников и членов их семей сеть новых связей и отношений (в том числе и матримониального характера). Отдельно (раздел 2.9) разбирается вопрос о семейной и личной жизни гувернёров и гувернанток, на которую также самым непосредственным образом влияла профессиональная принадлежность.

¹ Claire Clairmont to Mary Shelly. 29. 04. 1825 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808-1834. Baltimore & London, 1995. P. 216-217.

² Ibid. P. 217.

Заканчивается глава разделами, посвящёнными выяснению причин, по которым наставники могли быть уволены, описанием тех сложных ситуаций, которые возникали по вине домашних наставников (раздел 2.10), и характеристикой того, что могло ждать воспитателей по окончании их наставнической деятельности (раздел 2.11). При всей разнице обстоятельств и судеб, можно отметить одно: финал карьеры наставника во многом был подготовлен его / её предыдущей деятельностью.

Подводя итоги этой главы, можно сказать, что во второй половине XVIII – первой половине XIX в. происходит институционализация гувернёрства: заканчивается законодательное оформление, складываются устойчивые стереотипы (внешнего вида, характера и т.п.), определяются многовариантные работающие системы поиска наставников, унифицируются условия работы и оплаты. Минимизируются экстремальные проявления (садисты, извращенцы и т.п.). Заметна разница в положении гувернёров и гувернанток: если служба в гувернёрах рассматривалась как своего рода «стартовая площадка» для молодого человека, то служба в гувернантках была пожизненным клеймом практически без перспектив выхода за пределы этой статусной группы. Иностранные гувернёры и гувернантки прочно «вписываются» в повседневные практики существования дворянства, что и позволяет говорить о социокультурном феномене иностранного наставничества.

Третья глава «Педагогическая и воспитательная деятельность иностранных наставников и наставниц. Формирование ежедневных практик» посвящена процессу целенаправленного обучения ценностям культуры – т.е. воспитанию, осуществлявшемуся иностранными наставниками. Предметно в разделе 3.1 разбираются требования, которые предъявлялись к наставнику; анализируются обязанности гувернёра и гувернантки (в том числе на предмет сходства и различия в них). Что собой представляет для ребёнка, для семьи воспитатель / воспитательница, понималось по-разному. Представления менялись и в зависимости от времени, и от статуса размышляющих. Часть требований зафиксирована в предварительной переписке, предшествующей найму, в договорах родителей с наставниками, но во многих случаях, видимо, специального договора не существовало. Даже самым разумным, порядочным родителям / опекунам трудно было сразу продумать весь объём требований к наставнику, чётко его сформулировать и действовать в соответствии со своим стратегическим замыслом воспитания ребёнка. Во-первых, менялись представления о том, каким родителем мечтал видеть ребёнка в будущем и, соответственно, какие знания ему надо было дать в обязательном порядке, а какие в факультативном. Здесь многое зависело от способностей ребёнка, его физического состояния, веяний из ближайшего окружения (родственники, друзья), финансового состояния семьи, модных предпочтений. Далее родители должны были определиться, какую часть обязанностей по воспитанию и обучению

детей они берут на себя, а что намерены поручить гувернёрам. Если контроль за обучением брали на себя мать или отец семейства, можно было ограничиться гувернанткой-надсмотрщицей за детьми, не требуя от неё слишком больших познаний в науках; если же родители освобождали себя от функций постоянного контроля, требовались знающие наставники, способные сами учить большинству предметов и осуществлять контроль за приходящими учителями. Для разочарованной в муже или овдовевшей женщины гувернантка могла стать другом, гувернёр – утешителем, и эти соображения или хотя бы только подсознательные ожидания также могли повлиять на представления, с которыми начинался поиск воспитателей для детей. Ко всем этим моментам добавлялись ещё случайные обстоятельства, часто заставлявшие совершенно пересматривать уже, казалось бы, решённые вопросы. Постепенно сложилась определённая система требований к наставнику, причём от расширительной трактовки функций воспитателей (характерной для XVIII, а в провинции и для начала XIX в.) произошёл переход к профессионализации деятельности гувернёров и гувернанток. Подробно описывается, какие поручения могли даваться гувернёру и гувернантке, в чём была разница их обязанностей. В аристократических семьях, где штат наставников насчитывал несколько человек, существовала должность главного гувернёра, который контролировал деятельность всех остальных учителей, регулировал отношения наставников с воспитанниками, распределял блага и привилегии (порядок пользования экипажами, например).

Гувернёр должен был сопровождать своих воспитанников повсюду, в том числе за границу. Сопровождение в поездках, особенно при отсутствии родителей, – неперемнная часть обязанностей воспитателей, как и обучение языку и целому ряду других предметов. Прочие обязанности гувернёров и гувернанток были многообразны. Они должны были научить своих воспитанников правилам хорошего тона: как вести себя за столом, как принимать гостей, вести светскую беседу и т.п. Они учили рисованию, музыке, следили за здоровьем воспитанников, организовывали проведение досуга, регулировали круг чтения и обращали внимание на душевное здоровье. Родители могли давать и какие-то временные поручения, просьбы личного характера. Эталоном соответствия правилам приличия обычно служили иностранные наставницы. Гувернанток также привлекали для выполнения медицинских процедур и решения хозяйственных проблем, а гувернёрам поручали дела, связанные со статусным мужским участием (поездки, визиты, переговоры и т.п.). Гувернёр – это человек, который мог поставить ребёнка в «рамки», а если несдержанным человеком был взрослый, его хотелось отправить на дополнительное воспитание к наставнику. Поступление в учебное заведение не освобождало мальчика от гувернёра. Гувернёр ходил вместе с воспитанниками-студентами на лекции, а потом дома материал прорабатывался ещё раз.

Привыкнув к расширительному толкованию функций воспитателя, характерному особенно для XVIII в., матери семейств негативно относились к профессионализации воспитательной сферы, когда никакие другие обязанности на губернаторов / губернаторок не возлагались; но именно тенденция к профессионализации прослеживается отчетливо на протяжении XIX в.

Методика обучения, набор предметов, хотя и зависели в определённой мере от родителей, а начиная с 1830-х гг. и от позиции государства, в целом определялись возможностями, педагогическими навыками, подготовкой и предпочтениями наставников. Об этом подробно говорится в разделе 3.2. «Педагогические теории и губернаторская деятельность. Обучение и воспитание».

Образ жизни также является одной из важнейших составляющих картины мира, а питание и соответствующие привычки и ритуалы могут многое рассказать о системе знаний о мире того или иного народа. Именно в режиме дня и структуре питания (раздел 3.3 «Режим дня. Питание воспитанников и наставников») влияние иностранных наставников было особенно заметным, и ощутима разница в том, к чему приучали наставники – представители разных культур. Система питания («континентальный» или английский завтрак, ранний или поздний ужин, предпочтение той или иной кухни и пищи) была результатом воздействия воспитателей. Все современники отмечали, как особенно в столицах «сдвинулись» основные рубежные события дня – приём пищи, выезды и т.п. – став более поздними. Наставники в условиях XVIII в. могли претендовать на отдельное питание, и в договорах описывались кушанья, полагающиеся губернатору / губернаторке. Так, в распоряжении по шереметевскому дому от 9 сентября 1759 г. сказано, что «учителю отпускать 8 блюд кушаньев на обед и ужин», а на детский стол «2 супа, 2 блюда под соусом, 1 блюдо жаркого, 1 блюдо хлебного. В ужин по тому же отпускать»¹. Для восемнадцатого века такое изобилие пищи было нормой, а в девятнадцатом показалось бы чрезмерной тяжестью: так поменялись представления о пище. «Закармливание», характерное для традиционного русского воспитания, сменилось чётким режимом питания, но с разными наборами пищи в зависимости от национальности наставника. В XIX в. во многих семьях (в том числе и императорской) следовали рекомендованной иностранными наставниками схеме питания, такой, как у юного графа М.Д. Бутурлина: на завтрак в 8 утра был габер-суп (овсяный) с белым хлебом, в час дня - обед, в 4 - гуте (одно сладкое блюдо), в 8 вечера - ужин. В будни чаю детям не давали, и кушали они отдельно от взрослых².

¹ Сапрунова И. Николай Петрович Шереметев. Детские годы (1751-1769). Материалы к жизнеописанию // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба / Сост. и предисл. Г.В. Вдовин. М., 2001. С.22.

² Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн.1. № 3. С.398.

Иностранное влияние сказывалось на физических кондициях воспитанников (раздел 3.4). Гувернантка и гувернёр даже чисто внешне формировали русского ребёнка по образцу, известному им и, конечно, вряд ли отечественному. В итоге отличие было заметно по невербальным средствам общения: физиономической маске (черты и выражение лица), одежде, особенностям телосложения, жестах, позам, проксемике, расстоянию между собеседниками, выражению глаз и направлению взгляда, акустическим и тактильным средствам невербального общения, запаху, кожным реакциям и т.п. Если по всем этим критериям первоначально гувернантки и гувернёры выглядели чужими, резко контрастировали с природными русскими, то постепенно произошли сдвиги, и, по крайней мере, в нескольких аспектах произошло сближение. Гувернантки и гувернёры моделировали выражение лица, выражение глаз, следили за одеждой, направлением взглядов, жестах, позами, интонацией, громкостью и тембром речи – тем более, что они обучали своему языку. Сложнее было с телосложением и кожными реакциями (покраснение, побледнение) – они более зависят от физиологии, биологических, а не культурных особенностей. Внимательные наблюдатели о людях субтильного телосложения говорили: он был скорее француз, чем русский, столь не по-русски тонки и изящны были его руки и ноги. Именно английские няни и гувернантки создавали стартовые возможности для высокого уровня физической подготовки, а русским авторам оставалось только вздохнуть по поводу английской манеры оставлять детей полуодетыми и полуобутыми: «Что во Франции и Англии хорошо, то может быть в северной России вредно для детей»¹. Французы по большей части были менее строги к температуре воздуха в помещении, физическим упражнениям и т.п., чем англичане, но к распорядку дня в большинстве своём приучали столь же твердо. Чрезвычайно важными для поддержания хорошей физической формы были прогулки. Зимой, в поместье, появлялся ещё вариант катанья на санях. Прогулки слишком зависели от погоды, и лишь англичане готовы были совершать моцион при любых условиях. В случае отсутствия английских наставников нужно было помещение для физических упражнений, и в педагогической литературе родителям настоятельно советовали оборудовать залу для рекреационных упражнений. Полезными представлялись и плавание, верховая езда, подвижные игры. Наставники, прежде всего гувернантки, обращали особое внимание на фигуру – как воспитанники держат спину, распрямляют ли плечи.

Под влиянием иностранных наставников происходило приобщение к новым досуговым практикам (раздел 3.5 «Досуг воспитанников и наставников»). Они определяли развлечения, закладывали те или иные традиции праздников. Довольно часто именно иностранные гувернантки и гувернёры становились

¹ О неблагоприятном и превратном домашнем воспитании детей. В примерах, по способу Сальзмана. Книга для родителей и наставников. Ч. I. СПб., 1831. С. 17.

инициаторами устройства домашних вечеров, театральных представлений. В выборе пьес, танцев они руководствовались своими понятиями о приличиях. Особые возможности открывались в связи с праздниками – рождением, именинами и т.п.

Наказания, как и награды (раздел 3.6 «Наказания и поощрение воспитанников»), были весьма дифференцированными в зависимости от характера поступка / проступка и склонностей гувернантки / гувернёра. Спектр наказаний также был весьма широк: от мягких увещеваний, через лишение сладкого, до физического воздействия. В качестве «палача» могли выступать отцы, но гувернантки и гувернёры и сами брали на себя функции «карателя». В любом случае, все мемуаристы считали наказания неотъемлемой частью процесса воспитания и не забывали сообщить о них, или традиционно физических (в XVIII в.), или морально-психологических (конец XVIII-XIX вв.). В отличие от гувернёров, часть из которых, судя по воспоминаниям, обладала садистскими склонностями, гувернантки предпочитали методы более мягкого, но в то же время и более глубокого морально-психологического воздействия, и здесь были гораздо изощрённее своих коллег-мужчин. Награды не столь запоминались детям, поскольку, видимо, переживались не столь глубоко, как болезненные физически или эмоционально наказания, и в мемуарах отражались гораздо реже.

Принципиальным является общий ко всей главе вывод о том, что иностранные гувернёры и гувернантки оказались устойчиво вписаны в воспитательные практики дворянства. Для представителей аристократии невозможно было представить себе выращивание ребёнка без привлечения иностранных бонн, гувернанток и гувернёров. Не была исключением и императорская семья (раздел 3.7 «Бонны, гувернантки и гувернёры в императорской семье»), широко использовавшая на протяжении всего изучаемого периода иностранных наставников. Практически все стороны жизни подрастающего русского дворянина формировались под влиянием иностранных наставников – от моментов физиологических до ментальных, от самоидентификации до межличностного общения. Последствия такого влияния были неоднозначны. Являясь воплощением черт национального характера, иностранцы знакомили с европейскими практиками повседневного существования своих воспитанников, добиваясь результата от полной европеизации с потерей национальной идентичности до гибридных форм с разной степенью архаики / европеизма. Межкультурное взаимодействие – межкультурный контакт – инокультурное влияние – чуждые заимствования – межкультурный конфликт, противостояние и шок - практически всю гамму оттенков межкультурной коммуникации можно проследить в деятельности иностранных гувернанток и гувернёров в дореформенной России, и столь же глубокими и разнородными были результаты такого сосуществования представителей различных культур. С точ-

ки зрения стратегий аккультурации, деятельность гувернанток и гувернёров могла приводить как к ассимиляции, так и интеграции культур (возможен был и фатальный результат маргинализации). Сами же они могли придерживаться как стратегии сепарации, так и интеграции. Маргинализация также была возможна, а вот ассимиляция практически отсутствовала. В повседневном общении, которое осуществляли иностранные наставники, можно заметить также практически все проявления культурного шока.

В главе четвёртой **«Стереотипы восприятия иностранных наставников. Влияние иностранных наставников на формирование русских дворян»** говорится о том, что иностранные наставники были носителями иной культуры, и общение с ними русских дворян было актом межкультурной коммуникации, сопровождаемой всеми нюансами, присущими таковым процессам: проявления этноцентризма, формирование устойчивых авто- и гетеростереотипов, культурный шок, межкультурный диалог, формирование бикультуралов, полилингвизм и т.п. Если оценивать эти процессы, взяв за отправную точку стратегии поведения русского дворянства, то для XVIII в. характерно стремление европеизироваться, утратить собственную русскую идентичность, заменив её космополитизмом или даже стремлением обрести какую-то иную (например, французскую) идентичность. Для XIX в. характерно обратное стремление русифицироваться, реализуемое «космополитами от воспитания» – воспитанниками иностранных гувернёров (как граф С.С. Уваров и сам Николай I).

В разделе 4.1 «Влияние наставника. Последствия недостатка воспитания» на многочисленных примерах показана значимость гувернёров и гувернанток, чьё влияние сказывалось на всех аспектах жизнедеятельности воспитанников. В разделе 4.2 разбираются гендерные аспекты воспитания.

В разделе 4.3 «Речь. Язык воспитанников» с позиций логоэпистемологии разбирается влияние иностранных наставников на речь воспитанников. Смысл логоэпистем в том, что они позволяют ярко, образно, с опорой на исторический опыт народа, выразить мысль и чувство. Конечно, и окружающие должны владеть сходным набором логоэпистем, чтобы намёк на «свёрнутый» смысл был ясен. У воспитанников иностранных гувернёров и гувернанток были разные по сравнению с русскими, получившими исключительно русское воспитание, наборы логоэпистем, что затрудняло общение. Возникал не только языковой барьер, но и барьер смыслов, коннотаций. Если русский язык осваивался в общении со слугами, а не с образованным русским учителем, это также «отсекало» человека от значительного количества логоэпистем, которыми овладевал его сверстник в иных образовательных условиях.

Наставники учили ребёнка «переключать коды», поскольку при общении с близкими и в целом людьми того же социального круга можно было с большой долей вероятности предположить круг известных тем и не было необходимости объяснять очевидные вещи. При общении с посторонними, людьми другой

социальной принадлежности, используются расширенные коды, поскольку, сталкиваясь с незнакомыми людьми, человек вынужден создавать для них необходимую фоновую информацию, делать предположения о том, чего собеседник, вероятно, не знает, и вводить расширительный контекст беседы. Гувернёры и гувернантки обучали искусству лёгкой беседы в рамках расширенного кода (общие рассуждения о погоде-природе и т.п., абстракции, сложные материи и т.п.) и в то же время практиковали в своей повседневной деятельности использование кода сокращённого. Именно умение «переключать коды» выделяло хорошо образованных по представлениям той поры людей от их невежественных сверстников и представителей низших слоёв. Нувориши не владели этим искусством и потому обычно не бывали приняты в «избранном обществе». Но уже во втором, а тем более третьем поколении эти навыки вырабатывались и человек «вписывался» в новый социальный круг. Гувернёры и гувернантки, не принадлежавшие по статусу к этому социальному кругу, должны были владеть умением «переключать коды», ведь на это рассчитывали их хозяева, любившие приглашать наставников вечерами в гостиные, чтобы вокруг них возникали беседы, выстраивалась паутина речевых коммуникаций. Мемуары дают нам образчики таких наставников, с блеском концентрировавших вокруг себя собеседников с самыми различными интересами.

При анализе влияния воспитателей-иностранцев на круг чтения и формирование внутреннего мира дворянина (раздел 4.4 «Чтение воспитанников, их внутренний мир, мировоззрение, религия»), определяющей была мысль о том, что с точки зрения духовного содержания, мы - то, что мы читаем, во что мы верим и как мы мыслим. Правильное чтение в восприятии людей той поры было сложным искусством, и наставники должны были обучить ребёнка этому мастерству. Хорошие книги были редки, и установка большей части воспитателей заключалась в том, чтобы минимизировать чтение, оградить воспитанника от пагубного влияния романов или атеистических книг. Разница в подходах к чтению в XVIII и XIX вв. разительна, и эти отличия разбираются в соответствующем разделе главы. В случае отсутствия переводных изданий круг чтения напрямую коррелировался со степенью владения иностранным языком. И если для восемнадцатого века приоритетными были французский язык и французская литература, то в девятнадцатом смена влияний ощутима от десятилетия к десятилетию: здесь и немецкие, и английские влияния, увлечения сентиментализмом и романтизмом, и всё это на фоне развивающейся русской литературы, о которой со временем научились судить и иностранные наставники.

Значительная часть гувернанток и гувернёров подвергали книги суровой нравственной цензуре и они могли просто «не доходить» до воспи-

танников. Безусловное доверие вызывали классические авторы и добродетельная английская литература.

Существенным был вопрос межконфессиональных противоречий, как правило, возникающий в случае использования иностранных наставников. Здесь отмечается индифферентная в целом позиция протестантов и прозелитизм католических наставников, прежде всего столь популярных на рубеже XVIII-XIX вв. католических аббатов.

Важные для понимания темы исследования рассуждения содержатся в разделах четвёртой главы об иностранных влияниях в воспитании (раздел 4.5) и стереотипах восприятия иностранных воспитателей (раздел 4.6).

Конечно, рейтингов гувернёров и гувернанток – представителей разных национальностей, вплоть до появления работы Лесгилье не было, но определённая иерархия выстраивалась подсознательно. В XVIII в. выше всех ценились французы, пришедшие на смену немецким гувернёрам. В XIX в. многие родители отдавали предпочтение швейцарцам и француженкам. Однако дороже всех платили, как правило, англичанкам.

Подводя итоги этой главы, можно сказать, что успешная адаптация к иной культуре включает в себя овладение всеми сторонами процесса аккультурации. Воспитанники иностранных наставников, осваивая под их руководством все три аспекта общения, являли собой, в итоге, гетерогенный тип личности, поскольку в зависимости от роли родителей и родственников (европеизированных или по-русски патриархальных), комплектации наставников (представители одной нации или разных, работающие одновременно или последовательно сменяя друг друга), степени контактов с окружающей средой, начитанности, религиозности и прочих привходящих обстоятельств в каждом дворянине эти аспекты претерпевали ту или иную деформацию, если принять за образец идеальный тип (наверное, не существовавший в природе) русского дворянина, абсолютно русского во всех своих проявлениях. Оценивая уровень знания языка, способность его использовать, традиционно принимают во внимание грамматическую и коммуникативную компетентность. Правильная речь, с соблюдением языковых норм, дополняется речевым мастерством, т.е. умением выбрать из соответствующих вариантов языковых средств наиболее точный, ситуативно уместный и максимально выразительный вариант, а уровень коммуникативных умений включает в себя знание словаря и коммуникативной грамматики языка, а также умение ориентироваться в определённой коммуникативно-прагматической ситуации. Воспитание иностранными наставниками приводило к тому, что эти умения были более характерны для знания иностранных языков, прежде всего французского, который и выступал в качестве основного языка коммуникации. Все референтные ситуации оценивались по-французски, смысл

высказывания подбирался по-французски, а потом происходило озвучивание – по-французски же или на другом языке, но при этом в быстром внутреннем переводе с французского. Поскольку владение языком один из важнейших факторов идентичности, логично предположить сложности с идентификацией российской знати – насколько российской она была? Пожалуй, можно экстраполировать на значительную часть аристократии высказывание А.А. Васильчикова об А.К. Разумовском: «Князь Андрей Кириллович представляет полнейшее олицетворение того космополитизма, до которого были доведены, процветающим у нас иностранным воспитанием, целые поколения»¹. Итак, полилингвизм, наложенный на незнание родного языка или невиртуозное владение им, – диагноз российского дворянства значительной части императорской эпохи. Человек живёт в культурном пространстве тех текстов, которые он прочитал. Когда русские люди конца XVIII в. (особенно дамы) жили литературой Франции, знали наизусть имена придворных Людовика XIV, их интриги, – получалось, что происходила отсылка не к России, а к другой стране; историко-культурная память отсылала к истории Франции, но не России. То же самое происходило с поклонниками «юного Вертера», только отсылка была к немецкой культуре, а «готическая литература», книги Радклифф, произведения Байрона, как и вальтерскоттовщина, отсылали к культуре Великобритании. Так русский дворянин приобщался к культуре другой страны, меняя (корректируя или даже теряя) свою идентичность, становясь уже не в полном смысле слова русским.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы и обобщения по ключевым проблемам рассматриваемой темы.

Сейчас всем очевидна разница между Востоком и Западом, но и внутри западной модели культуры различаются значительным образом. Влияние абстрактного «Запада» на Россию XVIII в. было влиянием конкретных французской, голландской, немецкой (пожалуй, в свою очередь раскладывающейся на прусскую, саксонскую и т.п.), английской и прочих культур и, соответственно, их образовательных систем, стандартов, установок. Воспитание иностранными наставниками приводило (для ситуации XVIII и начала XIX в.) к замещению своей системы представлений той картиной, которая отражала взгляды культуры наставника. Благодаря их влиянию усваивались социальные нормы, характерные для французского (из-за большей распространённости французских наставников в тот период), а не российского общества. Усвоенные ценности использовались как набор стандартов и оценочных критериев для управления своими

¹ *Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. В 5 т. СПб., 1882. Т.3. С.2.*

поступками, выработки отношений к соответствующим ситуациям, формирования морально-этических суждений, сравнения себя с другими.

В целом домашнее воспитание с иностранными наставниками на протяжении всего рассматриваемого периода считалось эксклюзивным, годным для людей только определённого социального круга – для аристократии. Претензии же на расширение сферы действия подобного воспитания пресекались недостатком финансовых средств и общественным мнением.

Отвечая на вопрос, почему же иностранцы ехали в Россию, если считали её столь отсталой и варварской, можно отметить, что в работе в нашей стране была масса преимуществ. На родине (во Франции, Англии и т.п.) к квалификации гувернёров и гувернанток предъявлялись особые требования, а для работы в России достаточно было знать свой родной язык. Родители даже приветствовали ситуации, когда воспитатели их чад не знали никаких других языков и не говорили по-русски: лучше научат своему языку. Поэтому те наставники, которые не могли найти работу на родине, ехали в Россию, и в большинстве случаев это не были первосортные наставники. Работа в России была привлекательна и тем, что обязанности иностранного гувернёра и гувернантки были меньше: разным предметам учили другие учителя, и у наставника оставалось больше свободного времени для себя (порой можно было давать уроки иностранного языка другим ученикам и заработать побольше денег). Отечественные наставники были загружены больше, а иностранцы, как имевшие более высокий статус, могли диктовать условия, в том числе и требовать более высокой оплаты. В Англии и Франции, где предложение особенно гувернанток давно превысило спрос, цены на их услуги постоянно снижались. В России до середины XIX в. ситуация была прямо противоположной: спрос превышал предложение. Перспективы на старость в России также были более благоприятны: нормой была ситуация, когда наставники доживали век в семьях воспитанников. В Европе отношения с воспитанниками чаще всего заканчивались, когда завершалась работа в семье. Патриархальное «семейственное» отношение к наставникам после XVIII в. в Европе практически не встречается, в России же гувернёр и гувернантка нередко воспринимались как члены семьи. Так что особенности как материального, так и морального плана привели к распространению социокультурного феномена иностранного гувернёрства в России.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

1. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные бонны и гувернантки в России (середина XVIII – середина XIX вв.). Череповец: ЧГУ, 2006. 237 с. (10 п.л.)
2. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М.: Academia, 2007. 512 с. (29 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах (в соответствии с перечнем ВАК):

1. *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2003. № 2. С.38-44 (0.5 п.л.)
2. *Солодянкина О.Ю.* Стереотипы восприятия иностранных воспитательниц в имперской России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2006. № 1. С. 73-83 (0.8 п.л.)
3. *Солодянкина О.Ю.* Межкультурное взаимодействие и иностранные гувернантки в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2007. № 1. С. 50-60 (0.8 п.л.)
4. *Солодянкина О.Ю.* Как знали и как преподавали историю иностранные гувернёры и гувернантки // Преподавание истории в школе. 2008. № 1 (спецвыпуск). С. 17-22 (0.5 п.л.)
5. *Солодянкина О.Ю.* Московская гувернантка Клер Клермонт – падчерица У. Голвина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. № 22. С. 135-149 (0.75 п.л.)
6. *Солодянкина О.Ю.* Социальное положение иностранных наставников в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2008. № 2. С. 10-24 (1 п.л.)
7. *Солодянкина О.Ю.* Феномен иностранного гувернёрства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 9-23 (1 п.л.)
8. *Солодянкина О.Ю.* Иностранные бонны, гувернёры и гувернантки в императорской семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2008. № 3. С. 87-94 (0.5 п.л.)

Статьи, материалы докладов

1. *Solodianskina O. Y.* The English Governess in the Noble Russian Family in the Nineteenth Century // Women's History Network Ninth Annual Conference. 16th-17th September 2000. University of Bath. Heartlands and Peripheries in Women's History: Local, National and Global Perspectives. Abstracts. University of the West of England, Bristol, 2000. (0.1 п.л.)

2. Солодянкина О.Ю. Английские гувернантки в русских дворянских семьях // *Философский век. Альманах. Вып.17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть I. Мат-лы международной конференции «История идей как методология гуманитарных исследований»* (Санкт-Петербург, 27-30 сентября 2001г.) / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Михешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. С.354-369 (0.7 п.л.).

3. Солодянкина О.Ю. Гендерные аспекты воспитания гувернанткой // *Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: Сборник материалов международной научной конференции* / Отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С.222-226 (0.2 п.л.).

4. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры // «Недаром помнит вся Россия...» Материалы международной конференции, посвященной 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения / Сост. Н.А. Бритвина. Череповец, 2003. С.235-246 (0.6 п.л.).

5. Солодянкина О.Ю. Гендерные аспекты деятельности гувернантки или как из купеческой дочки получилась профессор этнографии // *Ежегодник историко-антропологических исследований* / Отв. ред. Козьменко В.М. Вып.2. М., 2003. С.185-198 (0.7 п.л.).

6. Солодянкина О.Ю. Произведения художественной литературы как исторический источник: образ гувернантки // *Художественная литература как историко-психологический источник: Материалы XVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14-15 декабря 2004 г.* / Под ред. доктора исторических наук, профессора С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2004. С.363-368 (0.2 п.л.).

7. Солодянкина О.Ю. Межкультурные коммуникации в воспитательном процессе: деятельность иностранных бонн и гувернанток в России // В.В. Верещагин. Мир. Семья. Война. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 161 годовщине со дня рождения В.В. Верещагина и 125-летию окончания русско-турецкой кампании 1877-1878 годов. Череповец, 2004. С.63-69 (0.4 п.л.).

8. Солодянкина О.Ю. Стереотипы восприятия иностранных гувернанток в Российской Империи // *Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические, философские, филологические, психологические и педагогические науки.* 2005. № 1. С.3-7 (0.3 п.л.).

9. Солодянкина О.Ю. Гендерный дискурс педагогических теорий и воспитательных практик дворянства (первая половина XIX века) // *Гендерная теория и историческое знание: Мат-лы второй международной научно-практической конференции* / Отв. ред. А.А. Павлов, В.А. Семенов. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 2005. С.27-34 (0.5 п.л.).

10. Солодянкина О.Ю. Бонны и гувернантки в императорской семье // *Традиции в контексте русской культуры. Выпуск XII: Межвузовский сборник научных работ.* Череповец: ЧГУ, 2005. С.205-212 (0.4 п.л.).

11. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер: сравнительные аспекты // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* Под ред. Л.П. Репиной. № 10. Москва: ИВИ РАН, 2005. С.74-98 (1.2 п.л.).

12. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер: сравнительный анализ // *Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические, философские, социологические, филологические, психологические и педагогические науки.* 2006. № 1. С.17-20 (0.3 п.л.).

13. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка в системе отношений дворянской семьи // Мир и война в судьбах русских дворян XIX века. Семья Верещагиных. Мат-лы Всероссийской научной конференции. Череповец, 2006. С.55-65 (0.7 п.л.).

14. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки: формирование детских и взрослых развлекательных практик // Бремя развлечений: Otium в Европе. XVIII – XX вв. / Отв. ред. Е.В. Дуков. СПб.: “Дмитрий Буланин”, 2006. С.160-177 (0.8 п.л.).

15. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка как «значимый другой» в семье русского дворянина // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: Материалы XX Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 18-19 декабря 2006 г.: В 3 ч. Ч.1. СПб., 2006. С.118-123 (0.4 п.л.).

16. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернер / гувернантка на курорте (первая половина XIX в.) // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27-29 апреля 2007 г.). Ставрополь – Пятигорск – Москва, 2007. С.230-235 (0.4 п.л.).

17. Солодянкина О.Ю. Межкультурное взаимодействие в процессе образования и воспитания в дворянской семье // Живопись – язык всемирный. Материалы Всероссийской научной конференции. Череповец, 2007. С.69-79 (0.6 п.л.).

18. Солодянкина О.Ю. Политические новости в обсуждении кружка Кристины – фрейлины княжна Туркестанова – госпожа де Ноазвиль // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / Отв. ред. Л.П. Репина, Л.А. Фадеева. М., 2007. С.156-159 (0.3 п.л.).

19. Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб.: Алетейя, 2007. С.123-161 (1.8 п.л.).

20. Солодянкина О.Ю. Формирование ежедневных практик детей в дворянских семьях иностранными наставниками: роль межкультурной коммуникации // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной: в 2 т. Т.2. Под ред. О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2007. С.422-442 (1 п.л.).

21. Солодянкина О.Ю. Бедная старость: как угасала гувернантка княжны Туркестановой // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: Материалы XXII Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 17-18 декабря 2007 г.: В 2 ч. / Под ред. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2007. Ч.1. С.119-123 (0.3 п.л.).

22. Солодянкина О.Ю. Социальное положение иностранных гувернеров и гувернанток в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда 1908 года. СПб.: Алетейя, 2008. С.256-259 (0.2 п.л.).

23. Солодянкина О.Ю. Британские гувернеры и гувернантки в семьях русского дворянства (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Британия: история, культура, образование: тезисы докладов международной научной конференции, 28-29 мая 2008 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. С. 47-49 (0.1 п.л.).

Отпечатано в ООО «Издательский дом – Принт», з 182752, т. 100 р

24042 9/698